

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЫСШАЯ ШКОЛА

Всероссийский научный журнал

№ 1 (ЯНВАРЬ-МАРТ) 2026 ГОД

Учредитель:

доктор юридических наук, профессор
Грудцына Л.Ю.

Издатель:

Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г., включен в
Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ) и зарегистрирован в Научной
электронной библиотеке E-library
Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-49264 от 4 апреля 2012 г.)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЫСШАЯ ШКОЛА

Всероссийский научный журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам права, политологии, философии, истории, педагогике, психологии, культурологии и другим гуманитарным наукам. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научной информацией и результатами исследований в области гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гуманитарных исследований.

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета:

Иванова Светлана Анатольевна

Корректор:

Дребезгова Юлия Дмитриевна

Компьютерная верстка:

Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн:

Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://high.law-books.ru>

E-mail: info@law-books.ru

Многоканальный (по России):

+8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-903-672-55-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на Всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки. Высшая школа» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств):
Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

Койбаев Борис Георгиевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Османов Мухамед Мартинович, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации филиал Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

Сампиев Исрапил Магомедович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Умаров Мурад Мухамедович, кандидат технических наук, доцент кафедры «Физическое воспитание» Физкультурно-оздоровительного факультета ФГБОУ ВО Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (МГТУ) — национальный исследовательский университет

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и политических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»

Чекмарев Эдуард Владимирович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Шебзухова Фатима Айсовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общественно-научного образования РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования»

Эбзеев Ахмат Аскербиевич, доктор политических наук, доцент, помощник ректора по международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет» (РОСБИОТЕХ)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Kerimov Alexander Alievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (Ural Federal University)

Koybaev Boris Georgievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Political Science, FSBEI HE «North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov»

Osmanov Mukhamed Martinovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Law Enforcement Organization, North Caucasus Institute for Advanced Studies, Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

Sampiev Israpil Magometovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, FSBEI HE «Ingush State University»

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Umarov Murad Mukhamedovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Faculty of Physical Education and Health, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (MSTU) — National Research University

Usmanov Rafik Khammatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, FSBEI HE «Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev»

Chekmarev Eduard Vladimirovich, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics

Shebzukhova Fatima Aisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Scientific Education of the Russian State Budgetary Institution DPO «Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Educators»

Ebzeev Akhmat Askerbievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Rector for International Cooperation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Biotechnological University» (ROSBIOTECH)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **Э.Б. Абдуллин** — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования
- **С.А. Барков** — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **В.В. Гребенников** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН
- **В.Н. Жуков** – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **Н.Г. Осипова** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук
- **Н.К. Потоцкий** – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

- **Л.А. Рапацкая** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).
- **Б.В. Сангаджиев** – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН
- **Б.С. Эбзеев** – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России
- **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **E.B. Abdullin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Head of the UNESCO Department «Musical Art and Lifelong Education» of the Institute of Fine Arts of Moscow State Pedagogical University, Academician-Secretary of the Department of Pedagogy and Psychology of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education Education, full member of the International Academy of Higher School, Laureate of the International of the Russian
- **S.A. Barkov** — doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of economic sociology and management of the sociological faculty of Moscow Lomonosov State University
- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **V.V. Grebennikov** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute
- **V.N. Zhukov** — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **G.B. Mirzoev** — Doctor of Law, Professor, President of the Guild of Russian Lawyers, Rector of the Russian Academy of Lawyers and Notaries, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of Bridgport University (USA), Honorary Doctor of Philosophy of the University «EuroSwiss»
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **N.G. Osipova** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, full member of the Russian Academy of Social Sciences
- **N.K. Pototsky** — Doctor of Law, Professor, Professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
- **L.A. Rapatskaya** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Institute of Fine Arts, Moscow State Pedagogical University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU

named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

- **B.V. Sangadzhiev** — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute
- **B.S. Ebzeev** — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia
- **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Михайлюк Н.А. * Суд присяжных в современной России: институциональная устойчивость в условиях процессуального противоборства 11

Баторов В.В. * Пути совершенствования налогового контроля в Российской Федерации в условиях информационного общества 16

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дякин А.М. * Проблемы трудовой инклюзии на муниципальном уровне и пути их решения в современных условиях 22

Миассаров Р.Р. * Правовой статус цифровых нематериальных активов: проблемы квалификации и защиты прав на токены, NFT и алгоритмы искусственного интеллекта 29

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Трифонов Р.Р. * Правовые коллизии и тенденции развития института банкротства граждан 33

Рахматуллин А.Р. * «Снятие корпоративной вуали» как механизм привлечения к ответственности контролирующих лиц 37

Быкова П.Е., Герасимов М.А. * Управление финансовыми рисками инновационной деятельности в условиях волатильности рынков 44

Гарманова П.В. * Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования 48

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мальцева Ю.В. * Проблемы установления состава наследственного имущества в нотариальной практике 53

Эмирасанова Р.А. * Уголовно-правовая характеристика похищения человека: проблемы объекта, объективной и субъективной сторон в современной интерпретации 57

Семенюк К.А. * Процессуальные гарантии защиты прав лиц с психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовой анализ 64

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Кондратова Н.Н., Мишуткина И.И., Свистунова Н.И. * Музыкальные параллели в обрядах шаманов Сибири и Северной Европы 69

Дырдин П.В., Моркунцов Д.В., Загаевский А.В. * К вопросу о критериях коммуникативной компетентности студентов 77

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Рыбушкин Н.Н., Гришагин Р.О. * Историческое развитие института наказания в России: от эпохи Романовых до 2018 года 82

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Mikhailyk N.A. * Trial by jury in modern Russia: institutional resilience in the context of procedural adversarial proceedings 11

Batorov V.V. * Ways to improve tax control in the Russian Federation in the context of the information society 16

HUMAN RIGHTS

Dyakin A.M. * Problems of labor inclusion at the municipal level and ways to solve them in modern conditions 22

Miassarov R.R. * Legal status of digital intangible assets: issues of qualification and protection of rights to tokens, NFTs and artificial intelligence algorithms 29

INTERPRETATION OF LAW

Trifonov R.R. * Legal conflicts and development trends of the institution of bankruptcy of citizens 33

Rakhmatullin A.R. * “Lifting the corporate veil” as a mechanism for holding controlling persons accountable 37

Bykova P.E., Gerasimov M.A. * Managing financial risks of innovative activities in a volatile market environment 44

Garmanova P.V. * Problems of qualification of fraud in the sphere of credit 48

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Maltseva Yu.V. * Problems of establishing the composition of hereditary property in notarial practice 53

Emirasanova R.A. * Criminal-legal characteristics of kidnapping: problems of the object, objective and subjective sides in a modern interpretation 57

Semenyuk K.A. * Procedural guarantees for the protection of the rights of persons with mental disorders in criminal proceedings: theoretical and legal analysis 64

HISTORY AND CULTURE

Kondratova N.N., Mishutkina I.I., Svistunova N.I. * Musical parallels in the rituals of shamans of Siberia and Northern Europe 69

Dyrdin P.V., Morkuntsov D.V., Zagaevsky A.V. * On the question of the criteria for communication competence of students 77

LEGAL ARCHIVE

Rybushkin N.N., Grishagin R.O. * Historical development of the institution of punishment in Russia: from the Romanov era to 2018 82

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-11-15

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.

МИХАЙЛЮК Никита Александрович,
студент Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
ФИЛОНОВ Александр Владимирович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории права и государства
Крымского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»
e-mail: info@law-books.ru

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Аннотация. В статье исследуется институт суда присяжных в современной России через призму его институциональной устойчивости в уголовном судопроизводстве в условиях процессуального противоборства сторон. Анализируются правовые основы деятельности коллегий присяжных заседателей, их взаимодействие с профессиональным судьей и проблемы, возникающие из-за различия правовых и социально-бытовых подходов к оценке доказательств. Рассматривается влияние состязательности на процедуру, роль председательствующего судьи в формировании вопросного листа и в напутственном слове. На основе анализа современной научной литературы, судебной практики и законодательных изменений формулируются выводы о потенциале и уязвимостях данного демократического института в российской правовой системе.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, институциональная устойчивость, процессуальное противоборство, состязательность, вердикт, доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, судебная реформа.

MIKHAYLYUK Nikita Aleksandrovich,
student, Crimean branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
FILONOV Aleksandr Vladimirovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Theory and History of Law and State,
Crimean branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

TRIAL BY JURY IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL RESILIENCE IN THE CONTEXT OF PROCEDURAL ADVERSARIAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article examines the institution of trial by jury in modern Russia through the prism of its institutional resilience in the context of acute procedural adversarial proceedings between the parties. The legal foundations of the activities of juries, their interaction with a professional judge, and problems arising from the difference between legal and socio-domestic approaches to evaluating evidence are analyzed. The influence of adversarial principles on the procedure, the role of the presiding judge in shaping the question list and in the summing-up are considered. Based on the analysis of modern scientific literature, judicial practice and legislative changes, conclusions are drawn about the potential and vulnerabilities of this democratic institution in the Russian legal system.*

Key words: *jury trial, jurors, institutional resilience, procedural adversarial proceedings, competitiveness, verdict, evidence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, judicial reform.*

Институт суда присяжных, восстановленный в Российской Федерации в 1993 году и претерпевший с тех пор значительную эволюцию, представляет собой уникальный элемент уголовного судопроизводства, где вопрос о виновности гражданина решается не профессиональными юристами, а коллегией присяжных заседателей. Согласно статьям 324–353 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, суд присяжных функционирует в рамках состязательной модели процесса, где обвинение и защита ведут противоборство с целью убедить коллегию присяжных в своей правоте.

Принято считать, что институт присяжных заседателей является одним из наиболее демократических судебных институтов, который позволяет свести к минимуму возможные судебные ошибки в уголовном судопроизводстве, а также реализовать на практике один из конституционных принципов, каким является провозглашенный в Конституции РФ 1993 года принцип участия граждан РФ в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ).

Фундаментальной основой института является разграничение компетенции между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей. Судья решает вопросы права: квалификацию деяния, допустимость доказательств, соблюдение процедуры. Присяжные же, согласно ст. 334 УПК РФ, разрешают вопросы факта: было ли деяние, совершил ли его подсудимый, виновен ли он, заслуживает ли снисхождения.

Ключевым инструментом, через которое профессиональный судья может оказывать влияние на коллегию, является вопросный лист. Формулировка вопросов, их последовательность, наличие или отсутствие наводящих, или

сложных юридических конструкций способны предопределить вердикт.

Как отмечает исследователь А.Н. Савенков, «в условиях российского процесса, где традиционно сильна роль председательствующего, существует риск превращения вопросного листа из нейтрального инструмента в средство управления мнением присяжных, что подрывает саму идею их независимой оценки доказательств» [4, с. 27]. Процессуальное противоборство сторон смещается в стадию постановки вопросов, где адвокаты и прокуроры стремятся закрепить в листе выгодные им формулировки. Пределы же судейского усмотрения при окончательной редакции листа зачастую недостаточно четко определены.

Присяжным заседателем может быть гражданин России не моложе 25 лет, полностью дееспособный, в совершенстве знающий русский язык, не имеющий судимости и не являющийся подозреваемым в совершении преступления. Это лицо, может не обладать специальными юридическими знаниями, присяжный призван вынести вердикт на основе внутреннего убеждения, формируемого в ходе непосредственного восприятия доказательств в судебном заседании. Именно здесь сталкиваются две логики: логика формального права, на которой настаивают стороны и судья, и логика житейского здравого смысла, чувства справедливости, которую приносят с собой присяжные. Процессуальное противоборство, таким образом, ведется не только с опорой на УПК РФ, но и с расчетом на психологию, эмоции, социальные стереотипы коллегии.

Современные исследования, например, работы Т.В. Трубниковой, показывают, что «эффективность защиты и обвинения в суде

присяжных напрямую зависит от их способности говорить с коллегией на понятном языке, выстраивать убедительную нарративную версию событий, апеллировать не только к логике, но и к моральным ценностям» [5, с. 15]. Это создает риски как для объективности (вердикт может быть основан на симпатии или антипатии к сторонам), так и является источником силы института, позволяя смягчить жесткость формального права в конкретных жизненных обстоятельствах через институт снисхождения (п. 3 ст. 334 УПК РФ).

Напутственное слово председательствующего судьи (ст. 340 УПК РФ) – еще один очень важный элемент процесса. Закон обязывает судью изложить присяжным сущность предъявленного обвинения, содержание уголовного закона, доказательства, но при этом не высказывать своего мнения по вопросам, входящим в их компетенцию. На практике соблюсти этот баланс чрезвычайно сложно. Интонация, акценты, последовательность изложения могут неявно направлять коллегия к определенному выводу.

Как подчеркивает исследователь В.В. Дорошков, «чрезмерно детализированное напутственное слово, по сути, становится инструкцией по вынесению обвинительного вердикта, а излишне сжатое – оставляет присяжных без необходимых юридических ориентиров» [2, с. 146]. В условиях процессуального противоборства стороны внимательно следят за напутственным словом, и любое отклонение от нейтралитета становится основанием для кассационных жалоб. Во многом эффективность данного института зависит от того, насколько профессионально судья способен выработать и соблюсти стандарты по-настоящему беспристрастного и сбалансированного напутствия к присяжным.

Состязательность как принцип судопроизводства (ст. 15 УПК РФ) в контексте суда присяжных приобретает наиболее острую форму. Стороны используют весь арсенал средств: ходатайства об исключении доказательств, заявленные с расчетом на реакцию присяжных; активное использование свидетельских показаний, включая эффектные перекрестные допросы; представление вещественных доказательств и их наглядную демонстрацию.

Однако российская специфика заключается в том, что состязательность существует в рамках, заданных судом, который сохраняет активную роль. Это порождает конфликт

между необходимостью обеспечить равенство сторон и обязанностью судьи пресекать уловки, направленные на неправомерное влияние на коллегия. Например, вопрос о том, является ли та или иная реплика стороны «недопустимым воздействием» на присяжных, часто решается судьей субъективно. Такие решения в горячке процесса могут восприниматься одной из сторон как нарушение принципа состязательности и предвзятость. Институциональная устойчивость, таким образом, проверяется способностью процессуальной формы обеспечить равные и справедливые условия для противоборства при сохранении управляемости процесса.

Проблема доказательств в суде присяжных стоит особенно остро. Правила оценки доказательств, закрепленные в ст. 17 УПК РФ (внутреннее убеждение, руководствуясь совестью и законом), для присяжных наполняются особым смыслом. Они не связаны формальными правилами оценки доказательств, не могут знать о том, что-то или иное доказательство было признано недопустимым и исключено из дела.

Однако в российском процессе действует принцип единства доказательственной базы. Судья, исключив доказательство как недопустимое, обязан обеспечить, чтобы присяжные о нем не узнали. На практике это порождает искусственные и сложные процедуры (оглашение показаний с изъятиями, удаление коллегии из зала), которые могут вызывать у присяжных недоумение, подозрения или обратный интерес к скрытой информации. Процессуальное противоборство сторон нередко фокусируется на борьбе вокруг допустимости ключевых улик, а присяжные оказываются в положении пассивных наблюдателей за сложной юридической полемикой, смысл которой от них частично скрыт. Это создает когнитивный диссонанс и может ослаблять доверие к процедуре.

Социальный и психологический климат в совещательной комнате является важным фактором, который во многом обеспечивает объективность вердикта присяжных. Закон (ст. 341 УПК РФ) гарантирует тайну совещаний присяжных, запрещает оказывать на них воздействие. Однако внутренняя динамика коллегии, давление большинства, влияние наиболее активных личностей (старосты), усталость, желание поскорее завершить процесс – все эти внеправовые факторы напрямую влияют

на вердикт. Институциональная устойчивость в этой точке обеспечивается не столько правовыми нормами, сколько убеждением которое формируется у присяжных в ходе процесса.

Однако закон (ст. 389. 26 УПК РФ) предоставляет председательствующему судье право, а в некоторых случаях и обязывает его, распустить коллегию присяжных и направить дело на новое рассмотрение в ином составе суда, если он признает, что вердикт вынесен в результате воздействия на присяжных, либо является явно необоснованным (например, противоречит доказательствам, установленным в судебном заседании). Этот институт «спасения от вердикта», как его называют некоторые процессуалисты, является предохранительным клапаном, но одновременно и потенциальным инструментом нивелирования воли присяжных. Частота использования этого права, его основания становятся индикатором реального доверия системы к институту присяжных.

По данным исследований Д.Г. Алексеевой, «процент отмен вердиктов по таким основаниям, хоть и не является катастрофически высоким, создает устойчивую тенденцию «второго шанса» для обвинения, что в долгосрочной перспективе может снижать значимость вердикта в глазах самих присяжных и профессиональных участников процесса» [1, с. 82].

Таким образом, институциональная устойчивость современного российского суда присяжных находится в состоянии динамического равновесия, постоянно испытываемого напряжением процессуального противоборства.

С одной стороны, институт демонстрирует жизнеспособность, расширяется на новые уровни судебной системы, формирует собственную практику и традиции. Он выполняет важную социальную функцию, внося элемент «житейской

справедливости» и общественного контроля в уголовное судопроизводство.

С другой стороны, судья при вынесении присяжными обвинительного вердикта может его отменить и перенести слушанье другим составом судей и присяжных если судья убежден что вина подсудимого на процессе не доказана, или если в ходе рассмотрения дела в суде было допущено нарушение уголовно-процессуального или уголовного законодательства.

Несмотря на то что решения присяжных на процессе носят более эмоциональный характер нежели профессиональный тем не менее участие присяжных обеспечивает повышения качества доказательной базы по уголовным делам (так как обвинительная сторона должна убедить в виновности подсудимого не только председательствующего на процессе судью но и присяжных заседателей), кроме того применение суда присяжных в уголовном судопроизводстве обеспечивает выполнение конституционного принципа участия граждан России в отправлении правосудия, который закреплен в ст.32 Конституции РФ 1993 года [5].

Будущее института по нашему мнению зависит от того, сможет ли правоприменительная практика, и прежде всего Верховный Суд РФ, выработать последовательные, сбалансированные подходы, которые, гарантируя реальную независимость коллегии присяжных от давления на них сторон и председательствующего на процессе, и при этом будет сохраняться уголовный процесс в правовых рамках, обеспечивая как права сторон, так и общие цели правосудия. Институт суда присяжных в России продолжает оставаться не столько устоявшейся практикой, сколько перманентным экспериментом, чья устойчивость ежедневно доказывается в условиях острого процессуального противоборства сторон.

Список литературы:

- [1] Алексеева Д. Г. Вердикт коллегии присяжных заседателей: проблемы стабильности и основания отмены в кассационном порядке / Д. Г. Алексеева // *Российское правосудие*. – 2022. – № 5 (193). – С. 78–87.
- [2] Дорошков В. В. Роль председательствующего судьи в суде с участием присяжных заседателей: проблемы реализации полномочий / В. В. Дорошков // *Закон*. – 2021. – № 8. – С. 143–152.
- [3] Савенков А. Н. Процессуальное противоборство сторон в суде присяжных: тактические аспекты формирования вопросного листа / А. Н. Савенков // *Журнал судебных процессов*. – 2022. – № 4. – С. 25–31.
- [4] Трубникова Т. В. Психологические основы убеждения в суде присяжных: нарративная стратегия защиты / Т. В. Трубникова // *Юридическая психология*. – 2021. – № 3. – С. 12–18.

[5] Филонов А. В. Суд присяжных в России: история и современная практика / А. В. Филонов // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – Научный журнал. Том 9 (75). – Симферополь. – 2023. – №1. – С. 418-424.

References:

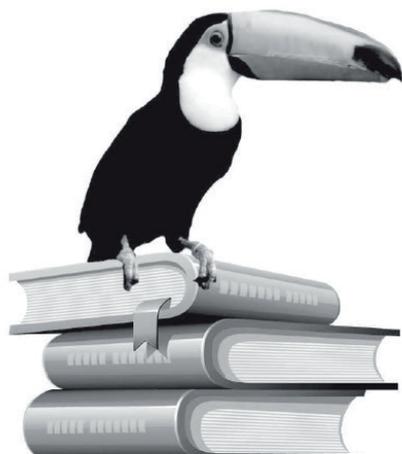
[1] Alekseeva D. G. *The Verdict of the Jury: Problems of Stability and Grounds for Overturning in Cassation* / D. G. Alekseeva // *Russian Justice*. - 2022. - No. 5 (193). - Pp. 78-87.

[2] Doroshkov V. V. *The Role of the Presiding Judge in a Trial with the Participation of Jury Members: Problems of Exercising Powers* / V. V. Doroshkov // *Law*. - 2021. - No. 8. - Pp. 143-152.

[3] Savenkov A. N. *Procedural Confrontation of the Parties in a Jury Trial: Tactical Aspects of Formulating a Questionnaire* / A. N. Savenkov // *Journal of Judicial Processes*. - 2022. - No. 4. - Pp. 25-31.

[4] Trubnikova T. V. *Psychological Foundations of Persuasion in a Jury Trial: Narrative Defense Strategy* / T. V. Trubnikova // *Legal Psychology*. - 2021. - No. 3. - P. 12-18.

[5] Filonov A. V. *Jury Trial in Russia: History and Modern Practice* / A. V. Filonov // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. - Scientific Journal. Vol. 9 (75)*. - Simferopol. - 2023. - No. 1. - P. 418-424.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БАТОРОВ В.В.,

*студент, ФГБОУ ВО «Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: info@law-books.ru*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуется эффективность полномочий налоговых органов Российской Федерации, совершенствование налогового контроля путем внедрения цифровизации. Основу федерального бюджета государства составляют налоговые доходы (так, за 2023 год удельный вес составил 80,5% от общего объема доходов) [1]. Поэтому государство активно следит за соблюдением гражданами РФ обязательств по уплате налогов, установленных в статье 57 Конституции РФ [2]. Одним из главных полномочий налоговой службы является контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей [3].

Ключевые слова: налоговый контроль, цифровизация, налоговое администрирование, налоговые проверки, налоги, автоматизированные налоговые системы, риск-ориентированный подход, эффективность.

BATOROV V.V.,

*student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

WAYS TO IMPROVE TAX CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. This article examines the effectiveness of the powers of tax authorities in the Russian Federation and the improvement of tax control through the implementation of digitalization. Tax revenues form the basis of the federal budget (for example, in 2023, their share amounted to 80.5% of total revenue) [1]. Therefore, the state actively monitors compliance by Russian citizens with their tax obligations, as established in Article 57 of the Constitution of the Russian Federation [2]. One of the main powers of the tax service is the control and supervision of compliance with legislation on taxes and fees, the accuracy of calculation, completeness and timeliness of payment of taxes, fees, and other mandatory payments [3].

Key words: Tax control, digitalization, tax administration, tax audits, taxes, automated tax systems, risk-based approach, efficiency.

Сегодня Федеральная налоговая служба не просто является фискальным органом, но и является эффективной системой мониторинга, которая способна отслеживать финансовые потоки, анализировать сделки и определять налоговые риски, выявлять любые отклонения от исполнения налогового законодательства. Россия занимает лидирующие позиции в мире, в области цифровизации налогового администрирования. Использование цифровых технологий в сфере налогообложения значительно повышает эффективность контроля.

В российской налоговой системе налогового

администрирования реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» путем стратегических инициатив Федеральной налоговой службы по созданию современной цифровой инфраструктуры налогового взаимодействия [4, 5].

Основным фактором внедрения цифровизации в современной российской системе налогового контроля является автоматизированная информационная система (АИС) «Налог-3», представляющая собой сложную технологическую экосистему, центральной составляющей которой является

единая интегрированная аналитическая платформа (ЕИАП), функциональное назначение которой заключается в консолидации и структурировании огромных массивов различных неоднородных данных. Платформа обеспечивает агрегацию, систематизацию информации, поступающей из различных источников, непосредственно из налоговых деклараций, банковских транзакционных систем, государственных реестров (Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), Росреестр и др.), а также из внешних источников, релевантных для фискального надзора. Ключевая технологическая задача ЕИАП — формирование связной картины финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков посредством установления транзакционных взаимосвязей и обогащения первичных данных [6].

Одним из условий эффективного функционирования налоговой системы является качественный налоговый контроль, который позволяет обеспечить своевременность и полноту поступлений налогов и обязательный платежей в бюджет, а также способствующий пресечению нарушений налоговой дисциплины. При этом наиболее действенной и эффективной формой налогового контроля являются налоговые проверки соблюдения законодательства о налогах и сборах. Цель налоговой проверки – контроль за соблюдением налогового законодательства, своевременностью и полнотой уплаты налогов и сборов [7].

По результатам анализа данных Федеральной налоговой службы установлено, что внедрение цифровых технологий посредством АИС «Налог-3» (с использованием специализированных модулей и комплексных надстроек) способствовало повышению эффективности налогового контроля,

Основное внимание уделяется анализу технологических решений, применяемых Федеральной налоговой службой, и оценке их вклада в повышение прозрачности налогового контроля, пресечению схем ухода от налогообложения снижения

уровня нарушений и повышению бюджетных доходов.

В рамках цифровой платформы особое место занимает прикладная подсистема — автоматизированная система контроля налога на добавленную стоимость (АСК НДС). Функционал сфокусирован на превентивном выявлении и анализе схем, направленных на неправомерное возмещение налога на добавленную стоимость (далее – НДС) из бюджета. Подсистема реализует сложные алгоритмы формирования сквозного анализа цепочек сделок между контрагентами. Основной метод — выявление неуплаты НДС посредством расхождений, аномалий и несоответствий в заявляемых налогоплательщиками данных. Система автоматически сигнализирует о потенциальном нарушении, если организация декларирует сумму налогового вычета по НДС, существенно превышающую реальные объемы доходов, зафиксированных в документах налогоплательщиков и в банковских выписках ее контрагентов. Данный сигнал служит основанием для налогового инспектора к инициации углубленной проверки [8]. Введение обязанности с 1 января 2014 года обязанности для всех плательщиков НДС (в том числе являющихся налоговыми агентами) представлять декларацию по данному налогу только в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи через операторов электронного документооборота повлияло на эффективное взаимодействие в рамках налогового контроля. Направление налоговым органом документов налогового контроля (требований, сообщений, уведомлений, писем, решений по результатам контрольных мероприятий и прочих документов), а также направление налогоплательщиком в налоговый орган документов, пояснений в налоговый орган в электронном виде позволил снизить риски проведения выездных проверок.

Так с 2015 года по 2024 год количество выездных проверок снизилось на 25,7 тысяч проверок или на 624%.

Таблица 1.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество выездных проверок, тыс. ед.	30,6	26	20	14	9,4	6,2	8,1	10,2	5,4	4,9

Сумма дополнительных поступлений налогов в бюджеты всех уровней по результатам контрольно-аналитической работы увеличивается из года

в год. С 2017 года по 2024 год рост составил 182 млрд. руб. или 165%.

Таблица 2.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Сумма поступлений по контрольно-аналитической работе, млрд. руб.	277	294	344	293	333	438	399	459

Принцип налогового контроля в виде проведения проверок, как отмечает О.И. Лютова, отношения «проверяющих» и «проверяемых» поменяли вектор развития от исключительно императивных начал к социальному партнерству. [9].

Ключевым приоритетом налогового контроля в итоге должно стать создание отношений с налогоплательщиками, построенных на взаимном доверии и сотрудничестве. Конечной целью является переход к добровольному соблюдению налогоплательщиками своих налоговых обязательств без использования налоговыми органами методов принуждения и контроля.

Одним из основных этапов цифровизации стало внедрение новой формы налогового контроля в виде налогового мониторинга, закрепленной в главе 14.7 Налогового Кодекса РФ, действующей с 01.01.2015 и охватывающий все большее количество налогоплательщиков. Распоряжением Правительства РФ от 23.01.2020 № 381-р утверждена Концепция развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга. Она направлена на повышение качества и эффективности налогового контроля на основе высокотехнологичных решений.

Налоговый мониторинг – это способ расширенного информационного взаимодействия, при котором организация предоставляет налоговому органу доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учета. Налоговый мониторинг - форма налогового контроля, которая заменяет камеральные и выездные проверки на онлайн-взаимодействие. Налогоплательщики представляют удаленный доступ к своим учетным данным, а также к информации о налоговых рисках и данным внутреннего контроля. Это позволяет налоговому органу сосредоточить ресурсы на проверке рисков областей и контролировать миллионы операций практически в режиме реального времени без истребования документов. В системе налогового мониторинга организация и налоговый орган проводят совместную оценку рисков, которая позволяет найти эффективный инструмент для урегулирования спорных и неопределенных налоговых позиций. Таким инструментом является мотивированное мнение, которое

может составляться как в отношении планируемых, так и уже совершенных сделок компании.

С.В. Мирошник определяет его как достаточно своеобразный, инновационный институт налогового права, который, по сути, является комплементарным сочетанием камеральной и выездной налоговой проверки, где должностные лица налоговой службы на регулярной основе в режиме «онлайн-доступа» проводят проверку налогоплательщика, а в случае выявления нарушений – сразу же сообщают ему. [10] То есть тем самым, взаимодействие между налоговым органом и налогоплательщиком вышло на качественно иной, более высокий уровень, способствуя формированию доверительных отношений.

Отдельные авторы, в том числе Каплина М.С. и Жукова Т.В., сформулировали четыре базовых, по их мнению, принципа налогового мониторинга:

- 1) мониторинг проводится на основании заявительного характера,
- 2) проверяемый субъект получает мотивированное мнение налогового органа,
- 3) проверяемый субъект должен обладать необходимым уровнем внутреннего контроля,
- 4) Благодаря введению мониторинга произошел переход от классических форм налогового контроля к инновационным [11].

Одной из целей развития налогового мониторинга является 100% интеграция с информационными системами налоговой службы участников налогового мониторинга. Развитие расширенного информационного взаимодействия путем организации доступа налоговым органам к информационным системам плательщиков в режиме реального времени и перехода на качественно новый уровень обработки документов (информации) является приоритетным направлением развития системы налогового мониторинга.

Данный механизм предусматривает предоставление налоговым органам доступа к информационным системам организаций в режиме реального времени, что теоретически должно минимизировать налоговые споры за счет прозрачности. Но практическая реализация имеет ряд проблемных вопросов, таких как технологическая

совместимость и высокие затраты на интеграцию для предприятий. Для решения указанных проблем требуется разработка стандартизированных протоколов взаимодействия и методической базы, унифицирующей требования к налоговому учету. Способы информационного взаимодействия выражены в виде предоставления доступа к информационным системам организации и предоставления доступа к аналитической витрине данных по телекоммуникационным каналам связи через оператора электронного документооборота.

Однако, наряду с обозначенными преимуществами налогового мониторинга, налогоплательщики сообщают и о негативных сторонах проводимого контроля, в частности: хозяйствующие субъекты опасаются увеличения налогового бремени после предоставления доступа к бухгалтерским и налоговым данным, некоторые налогоплательщики не могут соответствовать предъявляемым требованиям к IT-технологиям, а дооснащение оборудования требует серьезных затрат, требуется постоянное совершенствование системы управления рисками и внутреннего контроля, существуют ситуации разного подхода должностных лиц к проверкам систем внутреннего контроля [12]. Также в качестве недостатков системы налогового мониторинга авторами, в частности И.С. Черкашиным, обозначается, что процедуру налогового мониторинга невозможно приостановить, а также проведение мониторинга не исключает реализации других контрольных действий [13]. Действительно, законодательством предусмотрена возможность только досрочно прекратить действие соглашения, например, если хозяйствующий субъект предоставил недостоверные данные.

В качестве другой проблемы мониторинга можно отметить, что на сегодняшний день мониторинг - право налогоплательщика, а не обязанность и проведение процедуры налогового мониторинга возможно исключительно по желанию налогоплательщика. Поэтому необходимо распространить обязательное проведение налогового мониторинга на максимально возможное количество налогоплательщиков. Вместе с тем, согласно Концепции развития и функционирования системы налогового мониторинга Правительство РФ ожидает значительное поэтапное увеличение числа участников мониторинга за счет снижения критериев, причем учитываются не только налоги, но и НДС, страховые взносы. По данным размещенным на официальном сайте Федеральной налого-

вой службы РФ в 2025 году налоговый мониторинг проводится в отношении 737 компаний [14]. Среди новых участников – представители крупного и среднего бизнеса из 20 различных отраслей экономики, включая промышленные предприятия, холдинги, IT и банковский сектор, ретейл и телеком. Рост числа участников по сравнению с прошлым годом составил более 30%. Это рекордные показатели за весь период реализации проекта. Показатели свидетельствуют о стремлении бизнеса к прозрачности и эффективности взаимодействия с налоговым органом. Компании выделяют преимущества данной формы налогового контроля, среди которых снижение административных издержек, возможность превентивного решения спорных вопросов и предсказуемость налоговой нагрузки.

Совершенствование правил налогового администрирования в налоговом мониторинге как стратегически важной формы налогового контроля предусматривает снижение суммовых критериев для перехода на налоговый мониторинг, изменение правил проведения камеральных и выездных проверок при проведении налогового мониторинга, продление срока проведения налогового мониторинга в случае представления уточненных налоговых деклараций, организация взаимодействия налоговых органов при проведении налогового мониторинга (блокировка счетов, встречные проверки).

На сегодняшний день 737 участников успели оценить привлекательность новой модели администрирования, которые обеспечивают 45% поступлений федерального бюджета Российской Федерации.

Ожидается, что с 2026 года общее число участников налогового мониторинга будет 882. ФНС постепенно снижает критерии для перехода на мониторинг. С 2025 года общая сумма налогов за год должна составлять более 80 млн. рублей, а выручка и стоимость чистых активов — свыше 800 млн. Без соблюдения суммовых критериев на мониторинг могут перейти получатели господдержки, операторы лотерей, группы компаний, государственные и муниципальные учреждения, бывшие участники консолидированных групп (КГН). Также к этому списку добавили правопреемников участников налогового мониторинга при реорганизации компании. За 10 лет число участников мониторинга выросло более чем в 100 раз.

Цифровая трансформация налогового контроля создала принципиально новые возможности для повышения эффективности фискальной системы.

Автоматизированные системы анализа данных позволяют существенно повысить точность выявления нарушений, оптимизировать распределение ресурсов ФНС России и сформировать устойчивую базу для прогнозирования доходов бюджета. Однако достигнутые результаты не отменяют наличия системных рисков, связанных с технологической сложностью решений, правовой неопределенностью и диспропорциональной нагрузкой на малый бизнес. Перспективы дальнейшего раз-

вития лежат в плоскости сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с совершенствованием нормативной базы, развитием международного сотрудничества и внедрением защитных механизмов для добросовестных налогоплательщиков. Реализация предложенных мер позволит снизить административные издержки бизнеса и создать более прозрачную и справедливую налоговую систему, соответствующую вызовам цифровой эпохи.

Список литературы:

[1] *Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2023 год* // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Книга_2023.pdf; (дата обращения: 16.12.2025).

[2] *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020)* // РГ. 1993. 25 дек., Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; 2.

[3] *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024)* // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 16.12.2025).

[4] *Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506.* // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/ (дата обращения: 16.12.2025).

[5] *Распоряжение Федеральной налоговой службы от 29 мая 2025 г. N 231@ «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации федеральной налоговой службы на 2025 - 2027 годы и реестров показателей ведомственной программы цифровой трансформации федеральной налоговой службы на 2025 - 2027 годы»* // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/412096044/> (дата обращения: 16.12.2025).

[6] Бочков П.В. Информационные системы организаций в интеграции с АИС «Налог-3» / П.В. Бочков, Ю.В. Сидоров, Е.А. Блинова. // *Экономика и предпринимательство.* — 2023. — № 8(157). — С. 915–918.

[7] Слабинская И.А. Организация и методика проведения налоговых проверок : учебное пособие / И.А. Слабинская, Т.Н. Ковалева. – Электрон. текстовые данные. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ЭБС АСВ, 2015. – 285 с.

[8] Ушаков Р.М. АСК НДС-2 как инструмент налогового контроля и его роль в качестве средства доказывания в суде / Р.М. Ушаков, В.Н. Ситник // *Закон и право.* — 2021. — № 5. — с. 88–90.

[9] Лютова О.И. Административно-правовой статус налоговых консультантов // *Административное право и процесс.* - 2018. - № 4. - С. 68-71.

[10] Мирошник С.В. Правовые основы налогового мониторинга // *Налоги.* - 2019. - № 5. - С. 19-21.

[11] Каплина, М.С., Жукова, Т.В. Налоговый мониторинг – цифровая революция российской налоговой системы // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* - 2022. - № 9 (148). - С. 7-15.

[12] Колесникова, Е.Н. Непопулярный взгляд на налоговый мониторинг // *Вестник университета.* - 2022. - № 10. - с. 141–148.

[13] Черкашин, И.С. Достоинства и недостатки налогового мониторинга // *Наука в исследованиях молодежи - 2020. Материалы студенческой научной конференции. В II частях.* - 2020. - С. 171-173.

[14] *Деятельность ФНС России* // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15360243 (дата обращения: 18.12.2025).

References:

- [1] Execution of the Federal Budget and Budgets of the Budget System of the Russian Federation for 2023 // Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/06/main/Kniga_2023.pdf; (Accessed: 16.12.2025).
- [2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020) // RG. 1993. 25 December, Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416; 2.
- [3] Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on November 21, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2024) // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (accessed on December 16, 2025).
- [4] Resolution of the Government of the Russian Federation of September 30, 2004 No. 506. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/ (accessed on December 16, 2025).
- [5] Order of the Federal Tax Service of May 29, 2025 No. 231@ «On Approval of the Departmental Program for Digital Transformation of the Federal Tax Service for 2025-2027 and the Registers of Indicators of the Departmental Program for Digital Transformation of the Federal Tax Service for 2025-2027» // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/412096044/> (accessed: 16.12.2025).
- [6] Bochkov P.V. Information systems of organizations integrated with AIS «Tax-3» / P.V. Bochkov, Yu.V. Sidorov, E.A. Blinova. // *Economy and Entrepreneurship*. - 2023. - No. 8 (157). - P. 915-918.
- [7] Slabinskaya I.A. Organization and Methodology of Conducting Tax Audits: A Textbook / I.A. Slabinskaya, T.N. Kovaleva. – Electronic text data. – Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Electronic Library System ASV, 2015. – 285 p.
- [8] Ushakov R.M. ASK VAT-2 as a Tax Control Tool and its Role as a Means of Evidence in Court / R.M. Ushakov, V.N. Sitnik // *Law and Right*. - 2021. - No. 5. - pp. 88–90.
- [9] Lyutova O.I. Administrative and Legal Status of Tax Consultants // *Administrative Law and Process*. - 2018. - No. 4. – pp. 68–71.
- [10] Miroshnik S.V. Legal Foundations of Tax Monitoring // *Taxes*. - 2019. - No. 5. – P. 19-21.
- [11] Kaplina, M.S., Zhukova, T.V. Tax Monitoring – Digital Revolution of the Russian Tax System // *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*. - 2022. - No. 9 (148). - P. 7-15.
- [12] Kolesnikova, E.N. An Unpopular View of Tax Monitoring // *University Bulletin*. - 2022. - No. 10. - P. 141–148.
- [13] Cherkashin, I.S. Advantages and Disadvantages of Tax Monitoring // *Science in Youth Research - 2020. Proceedings of the Student Scientific Conference. In Parts II*. - 2020. - P. 171-173.
- [14] Activities of the Federal Tax Service of Russia // *Federal Tax Service*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15360243 (date accessed: 12/18/2025).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-22-28

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.

ДЯКИН Алексей Михалович,

студент 3 курса

Факультет Государственное и муниципальное управление

Государственный университет управления

Россия, г.Москва

e-mail: alex777olya@mail.ru

Научный руководитель:

КОРОСТЕЛЁВА Татьяна Викторовна,

доктор педагогических наук, доцент

Государственный университет управления

Россия, г.Москва

e-mail: atlastv@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ИНКЛЮЗИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена изучению факторов, влияющих на трудовую интеграцию людей с инвалидностью в различных социальных контекстах. Исследуются установки ключевых участников: институтов содействия занятости, работодателей, общества и самих инвалидов. В статье выявлены факторы повышения эффективности инклюзивных программ трудоустройства с акцентом на муниципальный уровень.*

Ключевые слова: *трудоустройство инвалидов, содействие занятости, адаптация обучающихся, инклюзивная инфраструктура. трудовая инклюзия, мотивационные установки, инвалидность, сравнительный анализ.*

DYAKIN Alexey Mikhailovich,

3rd year student

Faculty of State and Municipal Administration

State University of Management

Russia, Moscow

Academic supervisor:

KOROSTELEVA Tatyana Viktorovna,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

State University of Management

Russia, Moscow

PROBLEMS OF LABOR INCLUSION AT THE MUNICIPAL LEVEL AND WAYS TO SOLVE THEM IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *This article examines factors influencing the employment integration of people with disabilities in various social contexts. It examines the attitudes of key stakeholders: employment promotion institutions, employers, society, and people with disabilities themselves. The article identifies factors that enhance the effectiveness of inclusive employment programs, with a focus on the municipal level.*

Key words: *Employment of persons with disabilities, employment promotion, student adaptation,*

В современном обществе проблема обеспечения равных возможностей для всех категорий граждан приобретает все большую актуальность. Особое значение в этом контексте приобретает вопрос трудовой инклюзии — процесса интеграции людей с ограниченными возможностями, долгосрочно безработных, лиц, находящихся в социально уязвимых ситуациях, в профессиональную деятельность. Трудовая инклюзия способствует не только развитию индивидуальной самореализации, но и социальному включению, повышению качества жизни и формированию более толерантного и открытого общества.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г.» определяется, что вовлечение инвалидов в трудовую деятельность является актуальной государственной задачей [1].

Мотивационные установки при трудоустройстве инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) являются важнейшим фактором, которые определяют активность и готовность к реализации трудового потенциала. Они оказывают влияние на поведение человека, его отношение к трудовой деятельности и степени вовлеченности в инклюзивные процессы [8]. Исследование мотивационных аспектов, лежащих в основе трудовой инклюзии, позволяет понять внутренние механизмы поддержки или сопротивления социальной интеграции, а также определить направления для развития мотивационных программ и политики в сфере инклюзии [7].

Несмотря на повышенный интерес к вопросам трудовой инклюзии, существующие исследования зачастую фокусируются либо на односторонних аспектах (например, мотивации людей с ОВЗ), либо на внешних факторах, игнорируя сравнительный анализ мотивационных установок различных групп участников инклюзивных процессов [11; 13].

Цель настоящего исследования — провести анализ установок к трудовой инклюзии среди различных групп участников социально-трудовой интеграции. В рамках работы предполагается определить особенности мотивационных факторов и

выявить наиболее значимые из них. Рассмотрение проблемы трудовой занятости инвалидов затрагивает несколько уровней взаимодействия, которые мы и рассмотрим по степени влияния:

1. Институты содействия занятости представляющие Центры занятости населения, Региональные Министерства труда и социального развития, Некоммерческими организациями при взаимодействии с муниципальным образованием, которые взяли на себя основную роль по поддержке граждан с инвалидностью и активно осуществляют такие меры поддержки как:

- Региональные Центры занятости населения развивают информационные ресурсы, которые информируют инвалидов о доступных образовательных программах, вариантах трудоустройства, поддержке на рабочем месте и актуальных вакансиях. Сайт «Работа России» — информационная система, созданная как проект Федеральной службы по труду и занятости, где оказывается индивидуальная помощь в поиске работы, а также поддержка на рабочем месте, включая создание условий для ускоренной профессиональной адаптации. Согласно Закону Московской области от 25.04.2008 №53/2008-ОЗ «О квотировании рабочих мест», в организациях устанавливается квотирование рабочих мест в размере не менее 2%. Но несмотря на это выявлена недостаточная эффективность сотрудников ЦЗН в подборе вакансий для инвалидов: часто предлагаются низкоквалифицированные рабочие места без учета индивидуальных ограничений (например, физические барьеры для колясочников или сенсорные для незрячих). Выявлены бюрократические барьеры при обработке заявок на трудоустройство, обучение и профилирование, отсутствие персонализированных программ реабилитации и переобучения. Уровень занятости инвалидов в Московской области составляет всего 34,6 % [3]. По данным заместителя директора центра занятости населения Московской области О. Пугачевой, в 2024 году из всех обратившихся за помощью в трудоустройстве инвалидов, успешно нашли работу 33% (из 1186 обратившихся граждан с инвалидностью, 389 человек) [10].

- Центр занятости населения при взаимодействии с муниципальным образованием предлагают меры поддержки, включающие организацию ярмарок вакансий и учебных рабочих мест для работодателей, информирование и привлечение

граждан к участию в них, а также взаимодействие с образовательными организациями для их вовлечения в эти мероприятия. Уровень взаимодействия ЦЗН часто формальный, без интеграции с местными властями и без учёта потребностей инвалидов и лиц с ОВЗ (например, в Балашихе ярмарки вакансий проходят один - два раза в год), что ограничивает координацию с работодателями.

- Государство создает условия для развития предпринимательской деятельности инвалидов, в том числе путем предоставления единовременной финансовой помощи при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Данное заявление на субсидию возможно подать через Интернет-Портал «Работа России» и составляет от 100 до 300 тыс. рублей по данным ЦЗН на 2025 год.

- Тесное взаимодействие муниципальных образований с некоммерческими организациями по обучению и трудоустройству инвалидов реализуют разнообразные программы, направленные на развитие навыков, необходимых для трудоустройства, помогают инвалидам стать более конкурентоспособными. На территории городского округа Балашиха организуется и проходит конкурс профессионального мастерства среди людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс», основной целью которого является повышение квалификации экспертов, организаторов, педагогов и волонтеров для проведения конкурсов профессионального мастерства «Абилимпикс», а также организация содействия трудоустройству людей с инвалидностью через их участие в конкурсах профессионального мастерства [9].

2. Работодатель играет центральную роль в трудоустройстве инвалидов, от создания необходимых условий для их работы, ускорение процесса профессиональной адаптации и до обеспечения транспортной доступности и удобного передвижения по территории предприятия. Ключевыми аспектами роли работодателя включают:

- Стереотипы и предубеждения: работодатели опасаются снижения производительности из-за физиологических ограничений инвалидов, что приводит к дискриминации (например, отказ в приеме без объективных причин). Не всегда есть возможность организовать гибкие условия труда и адаптировать график, обязанности или формат работы, хотя удаленная занятость делает трудоустройство более доступным.

- Экономические барьеры: высокие затраты на адаптацию (эргономичная мебель, ассистивные

технологии) не смотря на выделение государством субсидии (до 200 тыс. руб.) на оборудование рабочего места сотрудника-инвалида по данным Социального Фонда России [2], а покрывает она только 10–25 % необходимой суммы, отсутствие налоговых льгот для малого бизнеса не оказывает стимулирующего воздействия.

- Многие работодатели не владеют способами интеграции инвалидов в коллектив, что вызывает конфликты в процессе адаптации и влияет на эффективность работы. Необходимо привлекать опытных сотрудников, волонтеров или представителей общественных организаций инвалидов для помощи в освоении навыков, адаптации и выполнении рабочих обязанностей. Осуществление Корпоративных программ по обучению и адаптации инвалидов производится только в крупных компаниях.

- Низкий уровень взаимодействия работодателей с ЦЗН и обществом в отношении организации инклюзивной архитектурной среды — отсутствие пандусов, оборудованных туалетов или специальных зон, что исключает возможность трудоустройства не только колясочников, но и людей с ОВЗ

- Разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами выводит компанию-производителя из-под квоты для инвалидов (2% рабочих мест для инвалидов в организациях с численностью сотрудников более 100 человек). Помимо этого, широко применяется оформление сотрудников с инвалидностью по договорам ГПХ (гражданско-правового характера) — это распространенная схема, которая используется для имитации выполнения квоты на трудоустройство инвалидов (ст. 21 Закона 181-ФЗ) и для ухода от налогов и взносов — ведь при ГПХ экономится 30% Фонда Оплаты Труда (не платится единый социальный налог (ЕСН), фонд социального страхования (ФСС), травматизм и т.д.) и нет необходимости предоставлять специальные условия труда, соответствующих индивидуальной программе реабилитации (ИПРА) инвалида, чтобы гарантировать безопасность в соответствии с его здоровьем.

- Государство обязывает работодателей к выполнению установленных законом норм по приему на работу инвалидов, размер которых зависит от численности персонала организации (квота не менее 2%). Обеспечением инвалидов I и II групп сокращенным рабочим днем, увеличенным отпуском (не менее 30 дней) и возможностью брать

дополнительные отпуска без сохранения заработной платы (до 60 дней в год). Для малых компаний даже один сотрудник с ограниченными возможностями здоровья может потребовать значительных затрат в виде адаптации рабочего места, оборудование специализированной техникой, снижением объема работы в связи с сокращенным днём. Отсутствием высококвалифицированных HR-специалистов или юристов, способных правильно оформить условия труда для инвалида, а также правильно оформить и использовать налоговые льготы и субсидии, предоставляемые государством. В отличие от крупных компаний, имеющих ресурсы для соблюдения квот и использующих трудоустройство инвалидов как часть корпоративной социальной ответственности (КСО).

3. Общество, включая сотрудников и коллег, играет ключевую роль в трудовой занятости инвалидов, влияя на формирование инклюзивной среды, преодоление стереотипов и успешную адаптацию людей с ограниченными возможностями на рабочем месте. Рассмотрим основные аспекты этого влияния:

- Стереотипы о неспособности инвалидов к труду, их низкой производительности или неумении взаимодействовать в коллективе часто становятся барьерами для трудоустройства. Общество, включая коллег может способствовать разрушению этих стереотипов через обучение сотрудников толерантности, коммуникативным навыкам и пониманию особенностей работы с инвалидами помогает создать более доброжелательную атмосферу, демонстрация примеров, где инвалиды демонстрируют высокую профессиональную компетентность, мотивирует коллег и работодателей воспринимать их как равноценных специалистов.

- Создание поддерживающей среды в виде психологической помощи, доброжелательного отношения, готовности помочь в освоении трудовых навыков и социализации в коллективе ускоряют адаптацию. Инвалиды, которые чувствуют себя частью команды, реже испытывают стресс и чаще проявляют инициативу. Организация кампаний по повышению осведомленности (День инвалидов, социальные сети), корпоративные тренинги по толерантности в крупных компаниях и поддержка от НКО (например, программы менторства) способствуют быстрой социализации инвалидов.

- Содействие профессиональной адаптации на начальном этапе в осуществлении наставничества, где опытные сотрудники могут помогать инвалидам осваивать профессиональные навыки,

ориентироваться в рабочих процессах и решать возникающие проблемы.

- Отношение общества к инвалидам косвенно воздействует на решения работодателей. Если в компании сформирована культура инклюзии, руководители чаще готовы создавать специальные рабочие места с учётом индивидуальных потребностей сотрудников.

- Инвалидность традиционно ассоциируется с внешними признаками, такими как использование инвалидной коляски, очков, белой трости или других вспомогательных средств. Однако значительная часть лиц с ограниченными возможностями здоровья сталкивается с так называемой «невидимой инвалидностью» — состоянием, при котором функциональные нарушения не очевидны при визуальном контакте. К таким состояниям относятся психические расстройства, хронические заболевания, частичные нарушения слуха или зрения, неврологические и когнитивные расстройства. Отсутствие визуальных маркеров затрудняет распознавание таких ограничений окружающими, что может приводить к казусным ситуациям и неловким моментам.

4. Инвалид — не пассивный получатель помощи, а активный субъект процесса трудоустройства и профессиональной самореализации. Его роль многогранна и охватывает несколько ключевых направлений:

- Важно адекватно оценить свои слабые и сильные стороны и степень ограничений. Это включает анализ состояния здоровья, физических возможностей, профессиональных навыков и личных предпочтений. Чётко сформировать карьерные ожидания, область деятельности и график работы (полный или частичный рабочий день, удаленка). Главное найти баланс между амбициями и реальными возможностями, учитывая рекомендации из индивидуальной программы реабилитации или абилитации (ИПРА). Чем выше уровень субъектности инвалида (осведомлённость, инициативность, готовность к диалогу, желание работать и зарабатывать), тем выше шансы на устойчивое трудоустройство и профессиональную реализацию.

- Необходимо подготовиться к поиску работы, пройти необходимые обучения, курсы переподготовки с освоением новых навыков, которые востребованы на рынке труда. Постоянно улучшать свои способности к общению, управлению временем, работе в команде и использованию цифровых технологий. Вовремя собрать докумен-

ты и подготовить справку медико-социальной экспертизы (МСЭ), подтверждающую инвалидность с применением ИПРА.

- Используя различные возможности, ресурсы и прямые контакты осуществлять активный поиск вакансий на специализированных порталах по трудоустройству (в том числе для людей с инвалидностью), с обязательным прямым обращением в компании, в которые планируется трудоустройство.

- При трудоустройстве обязательно предоставляйте информацию из ИПРА о необходимых условиях труда и допустимых нагрузках работодателю. Демонстрируйте свои навыки, обсуждайте возможные адаптации рабочего места, согласовывайте график и задачи. Аргументируйте потребность в специальных условиях (например, оборудовании, гибком графике), опираясь на данные ИПРА.

- Социально-психологическая активность инвалида — это ключ к преодолению внутренних барьеров. Работа над самооценкой, преодоление страха неудачи, развитие уверенности в профессиональной компетентности с последующим профессиональным ростом и сохранением занятости.

Статистические данные, предоставленные Федеральной службой государственной статистики, указывает на высокий уровень безработицы 5,8% в Балашихе и это несмотря на низкие показатели по стране ниже 2,1%, при условии, что уровень безработицы инвалидов в расчёт не идёт. В Балашихе проживает 41347 людей с инвалидностью, что составляет 7.97% от всего населения городского округа по данным за 2024 год. Несмотря на наличие законодательных инициатив, направленных на поддержку этой категории граждан, уровень их трудоустройства остается низким 19,8% по данным за 2024 год, из них инвалидов 1-й группы 4877, инвалидов 2-й группы 17691, инвалидов 3-й группы 16290 и детей-инвалидов 2283 человек. В Балашихе осуществляется вовлечение местных сообществ через волонтерские программы и информационные кампании в СМИ, чтобы снизить стигмацию и повысить взаимодействие с работодателями. С декабря 2024 года запущена программа сопровождаемого трудоустройства для людей с инвалидностью организацией «Мир для всех» в городе Балашиха. Ее создали в ответ на потребность родителей, которые хотели бы, чтобы их уже взрослые дети с инвалидностью могли работать. А местные НКО (Балашихинская местная организация Московской Областной Организации

Общероссийской Общественной Организации «Всероссийское Общество Инвалидов», Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское Ордена Трудового Красного Знамени общество слепых» Балашихинская МО ВОС, Балашихинское местное отделение Всероссийского общества глухих, Балашихинская районная общественная организация «Инвалиды локальных войн и боевых действий», Московская областная общественная организация «ДЫХАНИЕ» инвалидов, страдающих бронхиальной астмой, Московская областная общественная организация инвалидов и семей с детьми-инвалидами «Мир для всех», Региональная общественная организация «Московская областная организации родителей детей-инвалидов «Вместе») активно работают над повышением информированности инвалидов о возможностях обучения и трудоустройства, предоставляя различные консультационные услуги.

Рассмотрев основные проблемы в организации трудовой инклюзии появилась возможность предложить пути их решения:

- Необходимо систематизировать (один раз в месяц, в квартал) и организовывать ярмарки вакансий с учётом занятости инвалидов и лиц с ОВЗ на территории г.о. Балашиха;

- Консультации психолога для преодоления тревожности и формирования позитивного отношения к труду реализовать через ЦЗН, групповая программа психологической поддержки для инвалидов «Копинг поведение в стрессовых ситуациях», позволит более быстрой адаптации в стрессовых ситуациях [14];

- Проведение профилирования и необходимого обучения до вступления в трудоспособный возраст инвалида (программы, направленные на развитие навыков на уровне школы, необходимых для трудоустройства, помогают инвалидам стать более конкурентоспособными);

- Объединение инвалидов в рабочие группы по различным уровням выраженности нарушений функций организма и степени инвалидности согласно способности к выполнению трудовой деятельности, способствует взаимопониманию и развитию навыков трудовой инклюзии. Такой подход позволяет создать более комфортные условия для социализации, обучения и адаптации, учитывая индивидуальные особенности участников трудового процесса;

- При длительной невозможности трудоустройства (более 3-х месяцев) направлять инвалида в волонтерские программы по месту

жительства в целях поддержки социализации и исключения невостребованности. Волонтерство помогает инвалидам интегрироваться в общество, преодолевать изоляцию и чувствовать себя частью социальной среды. Но для этого необходимо внести поправки в действующее законодательство;

- НКО обладают уникальной экспертной оценкой, ресурсами и гибкостью к людям с ограничениями здоровья, которые позволяют дополнять государственные усилия и создавать более эффективные механизмы интеграции социально уязвимых групп в общество. НКО играют важную роль в продвижении инклюзивности и поэтому необходимо чтобы ЦЗН о них знали и с ними взаимодействовали в области рассылки вакансий, обмена контактами, участием в совместных профориентационных мероприятиях.

- Широкое освещение в средствах массовой информации примеров успешной профессиональной интеграции лиц с инвалидностью выступает в качестве действенного механизма для преодоления предвзятых представлений, формирования благоприятного общественного климата и стимулирования инклюзивных практик на рынке труда. Данные кейсы наглядно демонстрируют потенци-

ал людей с инвалидностью в сфере занятости, их способность вносить вклад в развитие общества и ценность в качестве работников.

Таким образом, успешная трудовая инклюзия людей с инвалидностью требует комплексного и сбалансированного подхода. Общество, государство и бизнес должны действовать сообща, создавая инклюзивную среду, которая основана на понимании, уважении и поддержке индивидуальных потребностей. Важнейшими условиями для реализации потенциала инвалидов являются доступ к информации, сопровождаемая занятость, техническая и психологическая поддержка. Неправительственные организации играют ключевую роль в просвещении, профориентации и содействии трудоустройству. При этом необходимо учитывать, что жёсткое регулирование со стороны государства может иметь обратный эффект, поэтому предпочтение следует отдавать гибким, мотивационным механизмам. Общество, проявляя толерантность и готовность к изменениям, может стать не только поддерживающей средой, но и мощным ресурсом для социальной трансформации.

Список литературы:

[1] *Официальное опубликование правовых актов. / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2024 № 2401-р // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202409040014> (дата обращения: 12.10.2025).*

[2] *Официальный сайт Социального Фонда России / Субсидии на создание (оборудование) рабочих мест для трудоустройства инвалидов // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://sfr.gov.ru/employers/aid/oborud/> (дата обращения: 10.10.2025).*

[3] *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2025).*

[4] *Федеральный закон от 24.11.1995 № 181 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523> (дата обращения: 22.11.2025).*

[5] *Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. — 10 е изд. — Санкт Петербург: Питер, 2019. — 864 с.*

[6] *Бегидова, Т. П. Социально-правовые и законодательные основы социальной работы с инвалидами: учебное пособие для среднего профессионального образования // Т. П. Бегидова, М. В. Бегидов. — 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 98 с.*

[7] *Коростелева Т. В. Менеджмент молодежной сферы: вызовы времени и вектор развития // Лидерство и менеджмент М.: ООО Издательство «Креативная экономика». Т.5. №2, 2018. С. 55-62.*

[8] *Ле Тхи Минь Лоан. Влияние мотивов на трудовую активность работников на предприятиях / Сибирский психологический журнал, 2018. №68.*

[9] *Международное некоммерческое движение «Абилимпикс». URL: <https://abilympics-russia.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).*

[10] *Более 30% обратившихся в центр занятости инвалидов трудоустроили в Подмосковье в 2024 г. // Сетевое издание информационная группа Интерфакс / Центр Новости Подмосковья. URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/bolee-30-obrativshihsva-v-centr-zanyatosti->*

invalidov-trudoustroili-v-podmoskove-v-2024-g (дата обращения: 11.01.2026).

[11] Фадин Н.И. Трудовая реабилитация инвалидов: механизмы повышения их вовлечённости в социально-экономические процессы на основе использования полного цикла реабилитации // Социально-трудовые исследования. 2025. №3. С. 144-158.

[12] Фуряева Т. В. Социальная инклюзия: учебник для вузов / Т. В. Фуряева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 189 с.

[13] Циканова Л. М. Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики / ВЭПС. 2024. №4. // Циканова Л. М., Казова З. М. С. 374-378.

[14] Киселева А. А., Кузьмин М. Ю. Особенности coping-стратегий у лиц с ограниченными возможностями здоровья // Acta Biomedica Scientifica. 2017. №5-1 (117). С. 129-135.

References:

[1] Official publication of legal acts. / Order of the Government of the Russian Federation dated September 2, 2024 No. 2401-r // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202409040014> (accessed: October 12, 2025).

[2] Official website of the Social Fund of Russia / Subsidies for the creation (equipment) of jobs for the employment of persons with disabilities // Official Internet portal of legal information. URL: <https://sfr.gov.ru/employers/aid/oborud/> (accessed: October 10, 2025).

[3] Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: December 25, 2025).

[4] Federal Law of November 24, 1995, No. 181-FZ «On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: [://www.kremlin.ru/acts/bank/8523](http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523) (accessed: November 22, 2025).

[5] Armstrong, M. Human Resources Management Practice / M. Armstrong. - 10th ed. - St. Petersburg: Piter, 2019. - 864 p.

[6] Begidova, T. P. Social, Legal, and Legislative Foundations of Social Work with Persons with Disabilities: A Textbook for Secondary Vocational Education // T. P. Begidova, M. V. Begidov. - 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. - 98 p.

[7] Korosteleva T.V. Youth Sphere Management: Challenges of the Time and Development Vector // Leadership and Management Moscow: OOO Izdatelstvo «Kreativnaya ekonomika». Vol. 5. No. 2, 2018. Pp. 55-62.

[8] Le Thi Minh Loan. The Influence of Motives on the Work Activity of Employees at Enterprises / Siberian Psychological Journal, 2018. No. 68.

[9] International Non-Commercial Movement «Abilympics». URL: <https://abilympics-russia.ru/> (date accessed: 02.10.2025).

[10] More than 30% of disabled people who applied to the employment center were employed in the Moscow region in 2024 // Online publication Interfax information group / Moscow Region News Center. URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/bolee-30-obrativshih-sya-v-centr-zanyatosti-invalidov-trudoustroili-v-podmoskove-v-2024-g> (accessed: 11.01.2026).

[11] Fadin N.I. Labor rehabilitation of persons with disabilities: mechanisms for increasing their involvement in socio-economic processes through the use of a full rehabilitation cycle // Social and labor research. 2025. No. 3. Pp. 144-158.

[12] Furyaeva T.V. Social inclusion: a textbook for universities / T.V. Furyaeva. - 2nd ed., revised. and additional - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 189 p.

[13] Tsikanova L. M. Inclusive employment as an imperative for humanization of the modern economy / VEPS. 2024. No. 4. // Tsikanova L. M., Kazova Z. M. С. 374-378.

[14] Kiseleva A. A., Kuzmin M. Yu. Features of coping strategies in individuals with disabilities // Acta Biomedica Scientifica. 2017. No. 5-1 (117). P. 129-135.

МИАССАРОВ Родион Радикович,
Студент Юридического факультета
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация
e-mail: info@law-books.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ТОКЕНЫ, NFT И АЛГОРИТМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем правовой квалификации цифровых нематериальных активов в условиях отставания правового регулирования от технологического развития. Исследуются особенности правового статуса токенов, NFT и алгоритмов искусственного интеллекта, выявляется несоответствие традиционных правовых конструкций природе новых цифровых объектов. Рассматриваются проблемы определения объекта права, механизмов защиты и субъектного состава правоотношений. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования цифровых активов.*

Ключевые слова: *цифровые активы, токены, NFT, искусственный интеллект, блокчейн, правовая квалификация, защита прав, цифровая экономика, интеллектуальная собственность.*

MIASSAROV Rodion Radikovich,
Law Student, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

LEGAL STATUS OF DIGITAL INTANGIBLE ASSETS: ISSUES OF QUALIFICATION AND PROTECTION OF RIGHTS TO TOKENS, NFTS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS

Annotation. *This article analyzes the legal classification of digital intangible assets in the context of legal regulation lagging behind technological developments. The article examines the legal status of tokens, NFTs, and artificial intelligence algorithms, identifying the inconsistency between traditional legal structures and the nature of new digital objects. It examines the definition of legal objects, protection mechanisms, and the subject matter of legal relations. Proposals for improving the legal regulation of digital assets are presented.*

Key words: *digital assets, tokens, NFTs, artificial intelligence, blockchain, legal classification, protection of rights, digital economy, intellectual property.*

Стремительное развитие технологий блокчейн и искусственного интеллекта привело к возникновению принципиально новых объектов имущественного оборота, не имеющих материального субстрата, но обладающих значительной экономической ценностью. Криптовалютные токены, невзаимозаменяемые токены и алгоритмы машинного обучения стали неотъемлемой частью цифровой экономики, однако их правовой статус остается неопределенным. Традиционные правовые конструкции, сформированные для регулирования материальных объектов и классических результатов интеллектуальной деятельности,

оказываются недостаточными для регулирования цифровых нематериальных активов. Отсутствие четкого правового регулирования создает правовую неопределенность, препятствует развитию инноваций и оставляет участников оборота без эффективных механизмов защиты своих прав. [5]

Центральной проблемой правового регулирования цифровых активов является определение правовой природы токенов – цифровых записей в распределенном реестре, удостоверяющих права их держателей. Токены не вписываются в традиционную классификацию объектов гражданских прав, что порождает неопределенность относи-

тельно их правового режима. Существуют различные подходы к квалификации токенов: как вещей, имущественных прав, результатов интеллектуальной деятельности или особых объектов гражданских прав. Каждый подход имеет существенные недостатки и не охватывает всего многообразия токенов. [6]

Российский законодатель избрал путь создания специальных правовых категорий, введя понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». Однако эти определения являются узкими и не охватывают утилитарные токены, токены управления, стейблкоины и другие разновидности. Особую сложность представляет определение момента возникновения права на токен и способов его передачи, поскольку технически токен не перемещается, а изменяется лишь запись в блокчейне о праве распоряжения. Неясно, что является объектом права – запись в блокчейне, криптографический ключ или абстрактная правовая связь между держателем ключа и записью.

Невозмозаменяемые токены представляют особую категорию цифровых активов, характеризующуюся уникальностью каждого токена. Ключевая проблема NFT заключается в необходимости разграничения самого токена как объекта права и актива, права на который этот токен удостоверяет. Приобретение NFT не означает автоматического приобретения исключительных прав на произведение, изображение которого связано с токеном. Покупатель получает право владеть цифровым сертификатом, но не обязательно приобретает авторские права на произведение, право на воспроизведение или коммерческое использование. [2]

Проблема осложняется тем, что NFT обычно содержит не само произведение, а лишь ссылку на файл, хранящийся на внешнем сервере. При удалении файла NFT превращается в бессмысленную запись. Серьезной проблемой является массовое нарушение прав интеллектуальной собственности при создании NFT, когда любой пользователь может создать токен на основе чужого произведения без разрешения правообладателя. Децентрализованный характер блокчейна затрудняет борьбу с такими нарушениями, поскольку отсутствует единый ответственный субъект, а записи в блокчейне невозможно удалить.

Дискуссионным остается вопрос о применении принципа исчерпания прав к NFT. Неясно, может ли владелец NFT свободно перепродавать его без согласия автора произведения, или каждая перепродажа требует нового разрешения право-

обладателя. Перспективным направлением является разработка стандартизированных условий смарт-контрактов, определяющих объем прав, передаваемых вместе с NFT, включая автоматическую выплату роялти автору при перепродаже. [1]

Развитие технологий искусственного интеллекта ставит фундаментальные вопросы о возможности предоставления правовой охраны алгоритмам машинного обучения и нейронным сетям. Современные алгоритмы представляют собой не столько последовательность команд программиста, сколько результат автоматического обучения на больших массивах данных. Ценность системы определяется весами связей между нейронами, формирующимися автоматически в процессе обучения. Возникает вопрос об авторстве обученной нейронной сети: является ли автором разработчик архитектуры, лицо, осуществившее обучение, или владелец данных. [4]

Альтернативой авторско-правовой охране является использование института коммерческой тайны, однако этот режим не защищает от независимой разработки и утрачивается при раскрытии информации. Патентная охрана алгоритмов также проблематична, поскольку математические методы не признаются патентоспособными изобретениями в большинстве юрисдикций. Охрана может предоставляться лишь техническим решениям, использующим алгоритмы для достижения технического результата. [2]

Особую проблему представляет правовой статус результатов деятельности искусственного интеллекта. Современные системы способны создавать тексты, изображения, музыкальные произведения и изобретения. Действующее законодательство исходит из того, что автором может быть только физическое лицо, что исключает признание авторства за искусственным интеллектом. Произведения, созданные искусственным интеллектом автономно без творческого вклада человека, формально не имеют автора и не охраняются авторским правом, что лишает разработчиков стимулов к инвестированию в создание творческих систем. Дискуссионным остается вопрос о потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта и ответственности за действия автономных систем.

Эффективная защита прав на цифровые нематериальные активы представляет сложную проблему, поскольку традиционные механизмы защиты оказываются недостаточными в цифровой среде. Первая проблема связана с идентификацией нарушителя, поскольку пользователи блок-

чейна идентифицируются криптографическими адресами без информации о реальной личности. Для преодоления анонимности разрабатываются методы деанонимизации через анализ паттернов транзакций и отслеживание движения средств через централизованные биржи.

Вторая проблема касается применимости традиционных способов защиты гражданских прав. Виндикация как истребование имущества из чужого владения сталкивается с техническими трудностями, поскольку изменение записей в блокчейне без согласия владельца приватного ключа невозможно. Перспективным направлением является использование технических возможностей смарт-контрактов для обеспечения защиты прав, включая функции блокировки токенов и их принудительного перевода по решению суда. [5]

Третья проблема связана с трансграничным характером оборота цифровых активов и сложностями признания иностранных судебных решений. Для решения этой проблемы развиваются децентрализованные системы арбитража, использующие блокчейн для организации процесса рассмотрения споров и автоматического исполнения решений через смарт-контракты. Четвертая проблема касается защиты прав добросовестных приобретателей цифровых активов, поскольку неясно, применим ли принцип защиты добросовестного приобретателя к токенам, приобретенным у неуправомоченного отчуждателя. [3]

Таким образом, правовой статус цифровых не-

материальных активов остается одной из наиболее актуальных проблем современной юридической науки. Стремительное развитие технологий опережает развитие правового регулирования, создавая ситуацию правовой неопределенности. Основные проблемы связаны с несоответствием между традиционными правовыми конструкциями и уникальными характеристиками цифровых активов. Решение проблемы требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию существующих правовых институтов и создание новых конструкций, специально предназначенных для регулирования цифровых объектов.

Представляется целесообразным законодательное закрепление цифровых активов как особой категории объектов гражданских прав с применением функционального подхода к классификации. Необходимо разработать дифференцированное регулирование токенов в зависимости от их типа, установить обязанность создателей NFT раскрывать информацию об объеме передаваемых прав, выработать подходы к определению авторства на результаты деятельности искусственного интеллекта. Механизмы защиты прав должны использовать как традиционные правовые инструменты, так и технические возможности блокчейна и смарт-контрактов. Важным направлением является международное сотрудничество в области регулирования цифровых активов и развитие систем альтернативного разрешения споров, адаптированных к цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Аблитаров Э. Р. Механизм наращивания стоимости цифровых активов предприятия // Экономика и парадигма нового времени. 2025. №7 (40). С. 5-13.
- [2] Астраханцева И. А., Астраханцев Р. Г. Экономическая сущность и правовой статус криптовалют // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2020. №4 (46). С. 3-14.
- [3] Беликова К. М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. 2021. №7. С. 1-28.
- [4] Булдыгин П. А., В. С. Журакинский цифровые активы как новый вид нематериальных финансовых активов в деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №5-1.
- [5] Зайров Р.Д. Статус индивидуального предпринимателя при наследовании цифровых финансовых активов // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. №1. С. 118-123.
- [6] Колесникова Е.Н. Методические аспекты ведения бухгалтерского учета токенов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. №2. С. 208-214.

References:

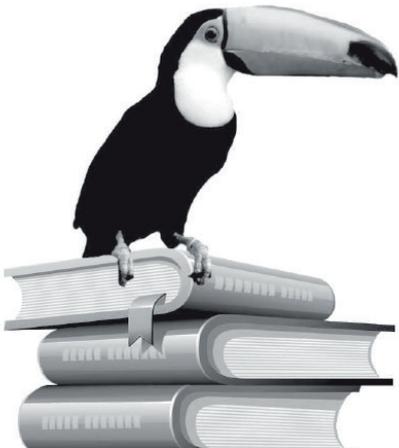
- [1] Ablitarov E. R. Mechanism for increasing the value of enterprise digital assets // Economy and paradigm of the new time. 2025. No. 7 (40). pp. 5-13.
- [2] Astrakhanitseva I. A., Astrakhansev R. G. Economic essence and legal status of cryptocurrencies // News of universities of Economics and Management. 2020. No. 4 (46). pp. 3-14.
- [3] Belikova K. M. Theoretical and practical aspects of the legal qualification of virtual property in

Russia and abroad // Legal research. 2021. No. 7. pp. 1-28.

[4] Buldygin P. A., V. S. Zhurakivskiy *Digital assets as a new type of intangible financial assets in the activities of an organization // Economy and business: theory and practice. 2019. No. 5-1.*

[5] Zairov R.D. *Status of an individual entrepreneur when inheriting digital financial assets // Education. Science. Scientific personnel. 2025. No. 1. Pp. 118-123.*

[6] Kolesnikova E.N. *Methodological aspects of accounting for tokens // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2. Pp. 208-214.*

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-33-36

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.

ТРИФОНОВ Руслан Радикович,

магистрант 1 курса

Федеральное государственное автономное

*образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»*

г. Казань, Россия

e-mail: 3rusl@mail.ru

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые правовые коллизии, возникающие в процессе применения института банкротства граждан в Российской Федерации. Особое внимание уделено изменениям законодательства и судебной практики, которые оказали существенное влияние на механизм несостоятельности физического лица. Проанализированы проблемы квалификации сделок, несогласованность данных государственных реестров, противоречия между интересами должника и кредитора, а также трудности применения внесудебной процедуры. Выделены основные тенденции дальнейшего развития института банкротства граждан и предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: банкротство граждан, правовые коллизии, несостоятельность, судебная практика, тенденции развития, внесудебное банкротство.

TRIFONOV Ruslan Radikovich,

First-year Master's student

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

LEGAL CONFLICTS AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY OF CITIZENS

Annotation. This article examines key legal conflicts arising in the application of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation. Particular attention is paid to changes in legislation and judicial practice that have significantly impacted the insolvency mechanism for individuals. Issues related to the classification of transactions, inconsistencies in state register data, conflicts between the interests of the debtor and creditor, and the difficulties of applying out-of-court procedures are analyzed. Key trends in the further development of personal bankruptcy are highlighted, and recommendations for improving legal regulation are offered.

Key words: bankruptcy of individuals, legal conflicts, insolvency, judicial practice, development trends, extrajudicial bankruptcy.

Введение

Институт банкротства гражданской несостоятельности в России сегодня стал обыденной практикой: всё больше людей используют его для того, чтобы восстановить финансовую стабильность и

выйти из долговой спирали. Если ещё восемь–девять лет назад эта процедура казалась редкой и доступной далеко не каждому, то сейчас состав должников сильно расширился. По мере того, как банкротство физических лиц становилось всё бо-

лее востребованной процедурой, выявились недостатки первоначального закона. Он не всегда адекватно отражал сложные жизненные обстоятельства должников. В ответ на это законодательство претерпело ряд изменений: уточнялись правила подачи документов, вводились новые финансовые критерии, был разработан упрощенный внесудебный порядок через МФЦ, а также пересматривались требования к арбитражным управляющим. Несмотря на стремление сделать процедуру более прозрачной, каждое нововведение приводило к новым вопросам и противоречиям. Например, какие сделки должника могут быть признаны недействительными? В каких случаях должник может воспользоваться упрощенной процедурой, а когда необходимо обращаться в суд? Как обеспечить достоверность информации в реестрах? Главный же вопрос заключается в поиске оптимального решения, которое бы учитывало интересы как должников, оказавшихся в сложной финансовой ситуации, так и кредиторов, рассчитывающих на возврат своих средств. Главная цель статьи — выявить и проанализировать наиболее значимые правовые коллизии, которые возникли в правоприменении института банкротства граждан, а также определить тенденции развития этого института на ближайшие годы.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является комплексный анализ правовых коллизий, возникающих в процессе реализации института банкротства граждан, а также выявление ключевых тенденций его развития с учётом динамично изменяющегося законодательства и современной судебной практики. Данная цель обусловлена тем, что законодательство о несостоятельности физических лиц в России остаётся одним из наиболее изменяемых и неоднозначно трактуемых правовых институтов. Кроме того, значительную роль играют факторы цифровизации, внедрение внесудебных процедур и активное участие кредиторов в процессе банкротства, что также влияет на формирование новых правовых проблем.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

1. Определить основные виды правовых коллизий, возникающих при применении норм Федерального закона № 127-ФЗ, включая:

- противоречия между нормами закона и фактическими обстоятельствами;
- различия в подходах судебных органов к оценке добросовестности должника;

– коллизии, связанные с квалификацией сделок и определением состава имущества;

– проблемы несогласованности данных государственных реестров.

2. Исследовать судебную практику, выявив тенденции формирования единообразных подходов к толкованию спорных положений законодательства и оценке поведения должников.

3. Оценить эффективность внесудебного механизма банкротства, определить его преимущества, ограничения и наиболее распространённые коллизии, возникающие при обращении граждан в МФЦ.

4. Выявить пробелы и противоречия в деятельности финансовых управляющих, связанные с раскрытием информации должниками, проверкой сделок и определением конкурсной массы.

Таким образом, исследование направлено не только на выявление существующих недостатков системы, но и на формирование целостного представления о том, каким образом институт банкротства граждан может развиваться в условиях современной социально-экономической и правовой среды, обеспечивая баланс интересов должников, кредиторов и государства.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Несоответствия в законодательстве и их истоки

1.1. Расхождения между правовыми нормами и реальной жизнью

С момента внедрения процедуры банкротства для физических лиц в России в 2015 году, положения Федерального закона № 127-ФЗ неоднократно претерпевали изменения. Тем не менее, система правового регулирования по-прежнему имеет существенные пробелы и не всегда адекватно отражает уникальные жизненные обстоятельства, в которых оказываются люди, имеющие долги.

Так, закон обязывает гражданина инициировать процедуру банкротства через суд при наличии признаков неплатежеспособности. Однако критерии, определяющие эти признаки, сформулированы слишком стандартно и допускают различные интерпретации: следует ли принимать во внимание будущие доходы? Является ли признаком неплатежеспособности ситуация, когда погашение долга затруднено, но все же возможно?

Судебные инстанции в разных регионах дают на эти вопросы разные ответы. В одних случаях, при наличии стабильного заработка, гражданину отказывают в банкротстве, ссылаясь на возможность рассчитаться с долгами в течение 3-5 лет.

В других случаях заявление принимается, исходя из чрезмерной долговой нагрузки (соотношения долга к доходу). Это приводит к непоследовательности судебной практики и делает исход дела непредсказуемым.

2. Правовые споры, связанные с оценкой сделок должника

2.1. Разногласия в толковании сделок с лицами, связанными с должником

Одной из наиболее частых причин судебных разбирательств является квалификация сделок, совершенных должником за три года до начала процедуры банкротства.

Основные сложности заключаются в следующем:

1. Сделки с близкими родственниками считаются потенциально подозрительными, однако сам факт их совершения законом не запрещен. Оценка рыночной стоимости имущества управляющими может существенно различаться.

2. Суды субъективно оценивают намерения сторон – отсутствие прямых доказательств не всегда исключает вывод о злоупотреблении.

3. Существуют примеры, когда сделка дарения между супругами признавалась недействительной из-за ухудшения финансового положения должника, несмотря на утверждения сторон о том, что передача имущества являлась частью внутрисемейных договоренностей.

2.2. Трудности с подтверждением добросовестности

Законодательство не содержит исчерпывающего перечня документов, которые могли бы подтвердить добросовестные действия гражданина. Финансовые управляющие вынуждены самостоятельно определять, какие сведения им необходимы. Это порождает конфликты: должники ссы-

лаются на отсутствие обязанности предоставлять дополнительные документы, в то время как управляющие, при недостатке информации, рискуют столкнуться с жалобами на неполное исследование активов должника.

3. Коллизии внесудебного банкротства

3.1. Проблема повторного банкротства

Закон предусматривает, что гражданин не может повторно обратиться за внесудебной процедурой в течение установленного срока. Но конкретный срок в законе не определен, что породило разночтения.

МФЦ в одних регионах отказывают повторно уже через два года, в других — считают возможным переобращение при повторном появлении исполнительных производств.

3.2. Проблема «нулевых» должников

Некоторые граждане подают заявления при отсутствии доходов и имущества. МФЦ формально допускает такую процедуру, но кредиторы возражают: списание долгов происходит автоматически, без оценки поведения должника, что может стимулировать злоупотребления.

4. Судебная практика как фактор формирования правовых позиций

4.1. Оценка поведения должника

ВС РФ сформировал несколько принципиальных подходов:

1) Скрытие доходов рассматривается как злоупотребление;

недостаточность представленных документов влечёт отказ в списании долгов;

2) Сделки с родственниками требуют повышенной проверки;

3) Поведение после возбуждения дела оценивается так же строго, как и до него.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. 2024 г.) // *Собрание законодательства РФ*. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

[2] Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. — 2015. — № 1. — Ст. 7.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2023 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с банкротством граждан» // *Российская газета*. — 2024. — № 4.

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) по вопросам несостоятельности (банкротства) граждан. — М.: ВС РФ, 2024. — 78 с.

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) по применению законодательства о банкротстве. — М.: ВС РФ, 2023. — 95 с.

[6] Министерство экономического развития России. Аналитический доклад «Эффективность

процедур банкротства граждан в 2023–2024 гг.» — М.: Минэкономразвития РФ, 2024. — 56 с.

[7] Сиваков Д.И. Современные тенденции развития института банкротства граждан в России // Закон. — 2024. — № 12. — С. 45–60.

[8] Петрова Е.А. Проблемы квалификации сделок должника в делах о банкротстве физических лиц // Арбитражная практика. — 2023. — № 7. — С. 38–47.

References:

[1] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended in 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 43. — Article 4190.

[2] Federal Law of 29.12.2014 No. 476-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2015. — No. 1. — Article 7.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2023 No. 53 «On Certain Issues Related to the Bankruptcy of Citizens» // Rossiyskaya Gazeta. — 2024. — No. 4.

[4] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) on issues of insolvency (bankruptcy) of individuals. — Moscow: Supreme Court of the Russian Federation, 2024. — 78 p.

[5] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2023) on the application of bankruptcy legislation. — Moscow: Supreme Court of the Russian Federation, 2023. — 95 p.

[6] Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Analytical report «The Effectiveness of Bankruptcy Procedures for Individuals in 2023–2024» — Moscow: Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2024. — 56 p.

[7] Sivakov D.I. Current trends in the development of the institution of bankruptcy of individuals in Russia // Law. — 2024. — No. 12. — pp. 45–60.

[8] Petrova E.A. Problems of qualification of debtor's transactions in bankruptcy cases of individuals // Arbitration practice. - 2023. - No. 7. - P. 38–47.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РАХМАТУЛЛИН Алмаз Рамисович,
студент магистратуры, гр. 08-537
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (г. Казань)
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
СУНГАТУЛЛИНА Лилия Азатовна,
доцент, кандидат юридических наук
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (г. Казань)
e-mail: info@law-books.ru

«СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» КАК МЕХАНИЗМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ

Аннотация. В данной статье рассматривается теория снятия корпоративной вуали как инструмент привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Анализируются правовые основания применения данного механизма, его значения для защиты интересов кредиторов, а также основные доктринальные подходы и судебная практика. А также возможности и проблемы широкого использования в Российской судебной практике.

Ключевые слова: снятие корпоративной вуали; субсидиарная ответственность; контролирующее должника лицо; злоупотреблением правом; юридическое лицо; бенефициарный владелец; кредиторы; корпоративное право; банкротство.

RAKHMATULLIN Almaz Ramisovich,
Master's student, group 08-537
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)

Academic Supervisor:
SUNGATULLINA Lilia Azatovna,
Associate Professor, PhD in Law
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)

“LIFTING THE CORPORATE VEIL” AS A MECHANISM FOR HOLDING CONTROLLING PERSONS ACCOUNTABLE

Annotation. This article examines the theory of piercing the corporate veil as a tool for holding debtor's controlling parties liable for subsidiary liability. It analyzes the legal basis for this mechanism, its importance for protecting creditors' interests, as well as key doctrinal approaches and judicial practice. It also examines the potential and challenges of its widespread use in Russian judicial practice.

Key words: piercing the corporate veil; subsidiary liability; person in control of the debtor; abuse of rights; legal entity; beneficial owner; creditors; corporate law; bankruptcy.

Юридические лица в Российском праве считаются самостоятельными участниками гражданских и предпринимательских правоотношений. Также п. 1 ст. 56 ГК [7] устанавливает, что юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Таким образом, законодательство Российской Федерации устанавливает принцип ограниченной от-

ветственности юридического лица, суть которого заключается в том, что учредители, при создании юридического лица, как бы отчуждают свое имущество, передавая его новому участнику правоотношения.

Такой принцип очень важен для развития рыночных отношений, так как он уменьшает риски предпринимателей при осуществлении своей де-

тельности, ограничивая свою ответственность вложенным в него имуществом.

Однако абсолютное подчинение данному принципу, в перспективе может привести к злоупотреблению правом, и к нарушению прав кредиторов. Недобросовестные руководители могут вывести активы юридического лица и признать организацию банкротом. В данном случае, необходим механизм, при котором можно было бы возложить ответственность не только на само юридическое лицо, но и лиц его контролирующих, таким образом, как бы признавая, что за действиями юридического лица стоят физические или другие юридические лица.

В юридической литературе данный механизм называют доктриной «снятия корпоративной вуали». Данная доктрина зародилась в странах англо-саксонской системы, как раз для решения проблемы злоупотребления принципом ограниченной ответственности. Зарубежные правоведы выступали за «снятие вуали» в случаях, когда корпорация создана лишь для удовлетворения личных интересов своих акционеров, а также для совершения противоправных действий.

В Российском праве данная доктрина не закреплена. Однако, в судебной практике существует ограниченное количество случаев обращения к этой доктрине арбитражных судов.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу ЗАО «Парекс Банк» впервые упоминается термин «срывание корпоративной вуали». В рамках данного дела рассматривалась деятельность двух банков с головными офисами в Риге («Парекс банк» и «Цитаделе банк»), которые вели банковскую деятельность в РФ через представительства. Суд установил, что субъекты были созданы с целью обхода российского законодательства, а их предпринимательская деятельность на территории РФ осуществлялась через аффилированных лиц. При этом постановление не легализовало доктрину в российском праве, поскольку в нём отсутствуют чётко сформулированные правила и условия её применения [10].

В решении Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32–1966/2014 указывается, что руководитель ООО Рекол является единственным выгодоприобретателем и использует «корпоративную вуаль» для сокрытия недобросовестных действий. По мнению суда, доктрина «не является сугубо теоретической правовой конструкцией, заимствованной из иностранной правовой системы». При этом, при существовании определённых предпосылок, а именно явного злоупотребления гражданскими

правами (ст. 10 ГК РФ) правовые свойства и качества юридического лица могут быть «вменены» его участнику. Такой предпосылкой является явное злоупотребление гражданскими правами, действия в обход закона [11].

Также в Постановлении от 26 мая 2013 года № 14828/12 по делу № А40–82045/11–64–4444 Суд указывает, что ответчик использовал юридическое лицо для целей злоупотребления правом [14].

Есть также случаи обратного снятия вуали – ситуации, когда суд взыскивает имущество юридического лица по долгам его участников.

Так, например, в рамках дела Сенаторова обратил взыскание на имущество юридических лиц, находившихся под бенефициарным контролем должника, являвшегося поручителем по кредитным договорам.

Согласно Апелляционному определению судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 августа 2012 г. по делу № 11–16173, А. Г. Сенаторов через привлечённые к участию в деле юридические лица осуществлял бенефициарное владение имуществом. Иными словами, он признавался фактическим собственником активов, на которые истец ходатайствовал о наложении взыскания [12].

Кроме того, определённым отражением данной доктрины в Российском праве является субсидиарная ответственность, которая широко используется в банкротных правоотношениях. Так, ст. 61.11 содержит перечень обстоятельств, при которых контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности. К таким обстоятельствам относятся: 1) причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника; 2) документы бухгалтерского учета и (или) отчетности отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством Российской Федерации в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы; 3) требования кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, возникшие вследствие правонарушения, за совершение которого вступило в силу решение о привлечении должника или его должностных лиц, являющихся либо являвшихся его единоличными исполнительными органами, к уголовной, административной ответственности или ответственности за налоговые правонарушения, в том числе требования об уплате задолженности, выявленной в результате

производства по делам о таких правонарушениях, превышают пятьдесят процентов общего размера требований кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, включенных в реестр требований кредиторов; 4) документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об обществах с ограниченной ответственностью, о государственных и муниципальных унитарных предприятиях и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют либо искажены; 5) на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице [8].

В Определении ВС РФ № 305-ЭС23-22628 по делу № А40-191073/2022 от 09.02.2024 ВС РФ также защитил права ответчика, который в целях погашения субсидиарной ответственности допустил переплату налоговому органу. Суд также указал, что привлечение к субсидиарной ответственности направлено на «компенсацию негативных последствий действия контролирующего должника лица» [15].

Также, говоря о судебной практике по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, стоит упомянуть последние определения Верховного суда, которые касались обязательств, исключенных из ЕГРЮЛ должников [16-21]

Основным вопросом рассмотрения являлось распределение бремени доказывания между сторонами спора. Таким образом Верховный суд выработал следующую позицию – бремя доказывания должно быть распределено таким образом, чтобы стороны имели реальную возможность предоставить необходимые доказательства. Кредиторы не имеют необходимого доступа к хозяйственной документации организации, а контролирующие лица обладают всей необходимой информацией, таким образом кредитор находится в неравном положении по отношению контролирующего лица.

Суд считает, что кредитору необходимо наличие и размер задолженности, а также факт исключения из ЕГРЮЛ.

Верховный суд также считает необходимым исходить из предположения виновности контро-

лирующих лиц, тем самым перераспределяя бремя доказывания в сторону последних.

Также в определении СКЭС ВС РФ № 307-ЭС25-1939 (1) от 10.09.2025 по делу о банкротстве ООО «ТехИнновации» № А56-11260/2023 судом было упомянуто, что законодательство предписывает контролирующему должника лицу обязательное активное процессуальное поведение в опровержении негативных последствий его недобросовестного поведения [22].

В рамках данного дела контролирующее должника лицо создал новое юридическое лицо с тем же наименованием и ОКВЭД и продолжил вести ту же деятельность, что и вел ранее, в то время как изначальный должник прекратил свою хозяйственную деятельность. При этом в конкурсную массу не были включены, имевшиеся у должника оборудования, а также денежные средства от их реализации, также и в бухгалтерской документации ничего из этого не было отражено. Указанные обстоятельства послужили основанием для отмены решения нижестоящих судов.

В судебной практике также присутствуют случаи положительного исхода для контролирующих должника лиц. Так, из Определения ВС РФ № 305-ЭС22-7760 (2) по делу № А40-191321/2019 от 29.01.2024, Верховный суд отменил судебный акт в части привлечения лица к субсидиарной ответственности, указав на то, вывод о доведении должника до банкротства контролирующим лицом основан лишь на том, что в период его руководства ухудшились показатели холдинга [13].

Суд разъяснил, что ухудшение положения должника само по себе не свидетельствует о неразумном или недобросовестном поведении контролирующего лица, так как это соответствует рисковому характеру предпринимательской деятельности.

Делая общий вывод по актуальной судебной практике, можно сделать вывод о последовательном усилении механизмов прав кредиторов. При этом правоприменительные подходы сохраняют баланс интересов сторон. Среди основных тенденций можно выделить перераспределение бремени доказывания и расширение круга лиц, потенциально подлежащих привлечению [23-29].

Тем не менее, многие ученые считают перспективным дальнейшее развитие доктрины «снятия корпоративной вуали» в Российском праве, хотя и отмечают, что ее повсеместное применение может привести к «уничтожению концепции индивидуальности юридического лица и института ограниченной ответственности» [1-2], что вынуждает использовать данный механизм как исключительный способ противодействия недобро-

совестным действиям, по примеру зарубежных стран. Так, например, Т.А. Спирина отмечает, что «механизм «снятия корпоративной вуали» нуждается в более детальной проработке для обеспечения их единообразного применения судами» [3; с. 215].

Предложения по внедрению в Российское частное право доктрину «снятия корпоративной вуали», для обеспечения добросовестного исполнения обязательств, были высказаны авторами «Концепции развития гражданского законодательства РФ» 2009 года [9]. Однако концепция так и не была легально закреплена.

Другие же авторы полагают, что рецепция данной доктрины невозможна, ввиду ее возникновения и развития в рамках прецедентной системы права. Так, К.С. Кондратьева и И.А. Стерлягов высказывают мнение, что перспективным направлением развития института ответственности контролирующих должника лиц представляется детализация и легальное закрепление норм оценки деятельности контролирующих должника лиц в докризисный период на предмет доведения корпорации до банкротства и в период имущественного кризиса на предмет докапитализации компании и сохранения ее активов [4; с. 229].

Противоположный взгляд также высказывал адвокат Андрей Гольцблат: «Я думаю, что подобные институты, не формализованные в российском праве, применять исходя из доктрин иных юрисдикций не совсем верно, это может приве-

сти к уничтожению концепции индивидуальности юридического лица и института ограничения ответственности, что недопустимо» [5].

Похожие мысли высказывала и судья ВАС РФ, Александра Маковская. Она считает, что формализованное определение будет легко обойти, также подчеркнув, что невозможность применения институтов английского права без судебного толкования. Судья также согласилась с тем, что активное применение подобных институтов может привести к гибели ограниченной ответственности юридических лиц: «Если мы не хотим полной гибели конструкции юрлица, то для концепций аффилированности лиц и снятия корпоративной вуали должны быть в законодательстве положены пределы их применения» [6].

Доктрина «снятия корпоративной вуали» должна анализироваться в рамках общей стратегии противодействия злоупотреблениям в корпоративных отношениях. Она выполняет функцию дополнительного инструмента к нормативным положениям закона, которые в исключительных случаях допускают ограничение привилегии участников общества на ограниченную ответственность. Кроме того, данная доктрина входит в группу неcodифицированных судебных доктрин. При разработке её нормативных формулировок целесообразно опираться на международный опыт, адаптируя его к особенностям российской правовой терминологии и деловой практики.

Список литературы:

- [1] Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2013. №7. С. 80–125.
- [2] Карнаков Я.В. «Снятие корпоративной вуали» в проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах // *Рос. право: образование, практика, наука*. 2009. №9(62). С. 31–36.
- [3] Спирина Т. А. «Снятие корпоративной вуали» через механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. №1 (23). С. 211–217.
- [4] Кондратьева К. С. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российской федерации: сравнительно-правовой подход / К. С. Кондратьева, И. А. Стерлягов. — Текст: непосредственный // *Вестник Томского государственного университета*. — 2021. — № 462. С. 224–231.
- [5] Корнилова А. В. К вопросу о применении механизма «проникающей ответственности» / А. В. Корнилова. — Текст : непосредственный // *Политика, государство и право*. — 2014. — № 1.
- [6] Гречнев А. В. Проблема «снятия корпоративной вуали» в российском и французском праве: сравнительный анализ / А. В. Гречнев. — Текст : непосредственный // *Matters of Russian and International Law*. — 2016. — № 1. — С. 69–83.
- [7] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [8] Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 43. Ст. 4190.
- [9] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. — Текст: непосредственный // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2009. — № 11.
- [10] Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40-21127/11-98-

184 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 6 августа 2014 г. по делу № А32-1966/2014 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[12] Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу N 11-16173 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2024 N 305-ЭС22-7760(2) по делу N А40-191321/2019 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[14] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2013 г. N 14828/12 по делу N А40-82045/11-64-4444 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[15] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2024 г. N 305-ЭС23-22628 по делу N А40-191073/2022 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[16] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 N 307-ЭС24-18794 по делу N А66-9932/2023 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[17] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2025 г. N 305-ЭС24-24042 по делу N А40-277055/2023 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[18] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2025 N 307-ЭС24-22013 по делу N А56-114578/2022 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 21.02.2026).

[19] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2025 г. № 305-ЭС24-24568 по делу N А40-55223/2023 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[20] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2025 г. N 305-ЭС24-22290 по делу N А40-113828/2023 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[21] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 308-ЭС24-21242 по делу № А53-48051/2023 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[22] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2025 г. N 307-ЭС25-1939 (1) по делу N А56-11260/2023 // СПС Гарант. (дата обращения 21.02.2026).

[23] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 сентября 2025 г. по делу № А65-31338/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jnV5NsNcVxZw/> (дата обращения 21.02.2026).

[24] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 сентября 2025 г. по делу № А65-9826/2022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ltWIVCGQILHN/> (дата обращения 21.02.2026).

[25] Решение Арбитражного суда Самарской области от 4 сентября 2025 г. по делу № А55-32299/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TwxDRM4WZyZv/> (дата обращения 21.02.2026).

[26] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 7 сентября 2025 г. по делу № А33-8176/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6C8L3tKUNo5Q/> (дата обращения 21.02.2026).

[27] Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 1 сентября 2025 г. по делу № А78-15258/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qtKoK70ZWDlw/> (дата обращения 21.02.2026).

[28] Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 25 августа 2025 г. по делу № А65-8776/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LzfldvcSOGVD/> (дата обращения 21.02.2026).

[29] Решение Арбитражный суд Красноярского края от 6 августа 2025 г. по делу № А33-2046/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/COMW3Xdp6HLN/> (дата обращения 21.02.2026).

References:

[1] Budylin S.L., Ivanets Yu.L. *Tearing Off the Veil. The Doctrine of Piercing the Corporate Veil in Foreign Countries and in Russia* // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013. No. 7. pp. 80–125.

[2] Karnakov Ya. V. “Piercing the Corporate Veil” in the draft Concept for the Development of Legislation on Legal Entities // *Rus. Law: Education, Practice, Science*. 2009. No. 9 (62). pp. 31–36.

[3] Spirina T.A. “Piercing the Corporate Veil” through the Mechanism of Involving Subsidiary Liability

in Bankruptcy Cases // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2014. No. 1 (23). pp. 211–217.

[4] Kondratieva K. S. *Prospects for Applying the Doctrine of «Piercing the Corporate Veil» in Bringing Subsidiary Liability to Persons Controlling a Debtor in the Russian Federation: A Comparative Legal Approach / K. S. Kondratieva, I. A. Sterligov. — Text: direct // Bulletin of Tomsk State University. — 2021. — No. 462. Pp. 224–231.*

[5] Kornilova A. V. *On the Application of the Mechanism of «Penetrating Liability» / A. V. Kornilova. — Text: direct // Politics, State and Law. — 2014. — No. 1.*

[6] Grechnev A. V. *The Problem of «Piercing the Corporate Veil» in Russian and French Law: A Comparative Analysis / A. V. Grechnev. — Text: direct // Matters of Russian and International Law. — 2016. — No. 1. — P. 69–83.*

[7] *Civil Code of the Russian Federation. Part One / Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.*

[8] *Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.*

[9] *Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation. — Text: direct // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2009. — No. 11.*

[10] *Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 24, 2012 No. 16404/11 in case No. A40-21127/11-98-184 // SPS Consultant Plus. (date of accession February 21, 2026).*

[11] *Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai dated August 6, 2014 in case No. A32-1966/2014 // SPS Consultant Plus. (date of access February 21, 2026).*

[12] *Appellate ruling of the Moscow City Court dated August 2, 2012 in case No. 11-16173 // SPS Consultant Plus. (date of access February 21, 2026).*

[13] *Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 29, 2024 No. 305-ES22-7760(2) in case No. A40-191321/2019 // SPS Consultant Plus. (date of access February 21, 2026).*

[14] *Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 26, 2013 No. 14828/12 in case No. A40-82045/11-64-4444 // SPS Garant. (date of access February 21, 2026).*

[15] *Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 9, 2024 No. 305-ES23-22628 in case No. A40-191073/2022 // SPS Garant. (date of access: February 21, 2026).*

[16] *Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2025 No. 307-ES24-18794 in case No. A66-9932/2023 // SPS Consultant Plus. (date of access: February 21, 2026).*

[17] *Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 16, 2025 No. 305-ES24-24042 in case No. A40-277055/2023 // SPS Garant. (Accessed on February 21, 2026).*

[18] *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 25, 2025 No. 307-ES24-22013 in case No. A56-114578/2022 // SPS Consultant Plus. (Accessed on February 21, 2026).*

[19] *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2025 No. 305-ES24-24568 in case No. A40-55223/2023 // SPS Garant. (Accessed on February 21, 2026).*

[20] *Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 21, 2025 No. 305-ES24-22290 in case No. A40-113828/2023 // SPS Garant. (date of accession February 21, 2026).*

[21] *Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 10, 2025 No. 308-ES24-21242 in case No. A53-48051/2023 // SPS Garant. (date of access February 21, 2026).*

[22] *Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 10, 2025 No. 307-ES25-1939 (1) in case No. A56-11260/2023 // SPS Garant. (Accessed on February 21, 2026).*

[23] *Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated September 9, 2025 in case No. A65-31338/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jnV5NsNcVxZw/> (Accessed on February 21, 2026).*

[24] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated September 8, 2025 in case No. A65-9826/2022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ltWIVCGQLHN/> (Accessed on February 21, 2026).

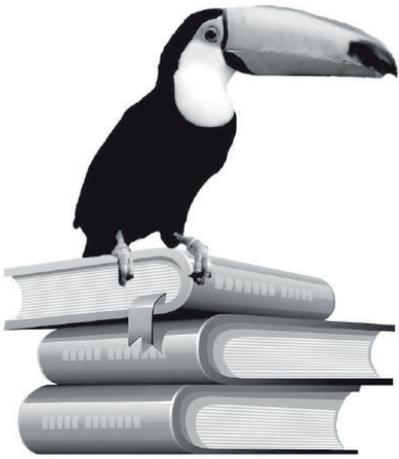
[25] Decision of the Arbitration Court of Samara Region dated September 4, 2025 in case No. A55-32299/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TwxdRM4WZyZv/> (date of access 02/21/2026).

[26] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated September 7, 2025 in case No. A33-8176/2024 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6C8L3tKUNo5Q/> (date of access 02/21/2026).

[27] Decision of the Arbitration Court of the Zabaykalsky Krai dated September 1, 2025 in case No. A78-15258/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qtKoK70ZWDlw/> (date of access 02/21/2026).

[28] Resolution of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated August 25, 2025 in case No. A65-8776/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LzfldvcSOGVD/> (date of access 02/21/2026).

[29] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated August 6, 2025 in case No. A33-2046/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/COMW3Xdp6HLN/> (date of access 02/21/2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БЫКОВА П.Е.,

*студентка кафедры «Цифровая экономика»
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
университет телекоммуникаций и информатики»
Россия, Самара
e-mail: info@law-books.ru*

ГЕРАСИМОВ М.А.,

*студент кафедры «Цифровая экономика»
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
университет телекоммуникаций и информатики»
Россия, Самара
e-mail: info@law-books.ru*

Научный руководитель:

ГЛАЗУНОВА Е.З.,

*доцент кафедры «Цифровая экономика»
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
университет телекоммуникаций и информатики»
Россия, Самара
e-mail: info@law-books.ru*

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЛАТИЛЬНОСТИ РЫНКОВ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию механизмов управления финансовыми рисками, возникающими в процессе реализации инновационных проектов в условиях нестабильной макроэкономической среды. Автор анализирует специфику инновационных рисков и их трансформацию под влиянием высокой волатильности валютных курсов, процентных ставок и изменения цепочек поставок. В работе предложен комплексный подход к оценке рисков, сочетающий количественные и качественные методы, а также обоснована необходимость внедрения адаптивных стратегий хеджирования и сценарного планирования для обеспечения финансовой устойчивости инновационно-активных предприятий.*

Ключевые слова: *финансовые риски, инновационная деятельность, волатильность рынка, управление рисками, неопределенность, хеджирование, сценарный анализ, технологический суверенитет.*

BYKOVA P.E.,

*Student, Department of Digital Economy,
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia*

GERASIMOV M.A.,

*Student, Department of Digital Economy,
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia*

Academic Supervisor:

GLAZUNOVA E.Z.,

MANAGING FINANCIAL RISKS OF INNOVATIVE ACTIVITIES IN A VOLATILE MARKET ENVIRONMENT

Annotation. *The article is devoted to the study of financial risk management mechanisms that arise during the implementation of innovative projects in an unstable macroeconomic environment. The author analyzes the specifics of innovative risks and their transformation under the influence of high volatility of exchange rates, interest rates, and changes in supply chains. The article proposes a comprehensive approach to risk assessment that combines quantitative and qualitative methods, and substantiates the need for implementing adaptive hedging strategies and scenario planning to ensure the financial sustainability of innovative enterprises.*

Key words: *financial risks, innovation activities, market volatility, risk management, uncertainty, hedging, scenario analysis, and technological sovereignty.*

Инновационная деятельность по своей природе сопряжена с высокой степенью неопределенности, однако в современных условиях внешние экономические шоки усиливают традиционные риски. Высокая волатильность финансовых рынков, инфляционное давление и ограничение доступа к международному капиталу создают барьеры для реализации долгосрочных высокотехнологичных проектов. В этой связи разработка эффективных методов управления финансовыми рисками становится критически важной для выживания и развития отечественных предприятий, нацеленных на достижение технологического суверенитета.

1. Специфика финансовых рисков в инновационной сфере

Финансовые риски инновационной деятельности отличаются от рисков в традиционных секторах экономики рядом характеристик:

- Инвестиционный риск: высокая вероятность полной потери вложенного капитала при недостижении запланированных технических характеристик продукта.
- Риск ликвидности: разрыв между моментом осуществления затрат на НИОКР и началом генерации денежного потока («долина смерти»).
- Валютный риск: зависимость от импортных комплектующих и специализированного оборудования, стоимость которых резко возрастает при девальвации национальной валюты.
- Процентный риск: рост стоимости обслуживания заемного капитала при ужесточении денежно-кредитной политики.

2. Влияние рыночной волатильности на инновационный процесс

Волатильность рынков в 2022–2024 гг. приве-

ла к изменению структуры затрат инновационных компаний. Колебания цен на сырье и логистические услуги делают традиционные методы долгосрочного бюджетирования малоэффективными.

В условиях неопределенности классические показатели эффективности (NPV, IRR) могут давать искаженную картину, так как они чувствительны к ставке дисконтирования, которая в периоды волатильности нестабильна. Это требует перехода к использованию метода реальных опционов (Real Options Analysis — ROA), который позволяет гибко принимать решения о продолжении, приостановке или масштабировании проекта в зависимости от рыночной конъюнктуры.

3. Методы оценки и минимизации рисков

Для управления рисками в условиях волатильности предлагается использовать интегрированную модель, включающую:

1. Сценарное моделирование (Метод Монте-Карло): позволяет оценить распределение вероятностей исходов проекта при одновременном изменении нескольких рыночных факторов (курс рубля, инфляция, спрос).
2. Стресс-тестирование: проверка финансовой устойчивости проекта при достижении критических значений ключевых переменных.
3. Диверсификация источников финансирования: сочетание собственных средств, государственного грантового участия и привлечения венчурных инвестиций для снижения долговой нагрузки.
4. Хеджирование: использование производных финансовых инструментов (форвардов, фьючерсов) для фиксации стоимости импортного оборудования, необходимого для инноваций.
4. Результаты исследования и рекомендации

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию системы риск-менеджмента:

- Создание резервных фондов: Формирование ликвидных резервов на уровне 10–15% от бюджета проекта специально под покрытие волатильности цен.

- Адаптивное бюджетирование: Переход от годового планирования к скользящему (rolling forecasts), что позволяет оперативно перераспределять ресурсы.

- Государственное страхование рисков: Расширение программ госгарантий для инновационных предприятий, работающих в стратегических отраслях, что позволит снизить премию за риск при кредитовании.

Управление финансовыми рисками в условиях волатильности требует от менеджмента инновационных компаний отказа от статических моделей в пользу динамических систем управления. Интеграция современных методов оценки рисков с инструментами государственной поддержки позволит минимизировать негативное влияние рыночной нестабильности и обеспечит непрерывность инновационного цикла, что является необходимым условием для структурной перестройки российской экономики.

5. Практические аспекты управления рисками: кейс фармацевтической отрасли РФ

Фармацевтическая отрасль является одной из самых наукоемких: затраты на исследования и разработки (R&D) могут достигать 15–20% от выручки компаний. В современных условиях российского рынка финансовые риски инновационных фарм-проектов существенно трансформировались под влиянием трех факторов волатильности:

1. Валютный риск и стоимость субстанций. Несмотря на курс на импортозамещение, около 80% активных фармацевтических субстанций (АФС) и высокотехнологичного лабораторного оборудования по-прежнему закупаются за рубежом (преимущественно в дружественных странах, но с расчетами в валюте). Резкие колебания курса рубля в 2023–2024 гг. привели к непредсказуемому росту себестоимости инновационных препаратов еще на стадии клинических исследований.

Пример: Удорожание валюты на 20% автоматически увеличивает бюджет доклинических испытаний на 12–15%, что в условиях фиксированных грантов создает дефицит ликвидности.

2. Риск «ценового давления» и государствен-

ного регулирования. Большая часть инновационных препаратов претендует на включение в перечень ЖНВЛП (Жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов). Цена на них регулируется государством. Волатильность рыночных издержек (логистика, расходные материалы) растет, в то время как возможность индексации отпускной цены ограничена. Это создает специфический финансовый риск отрицательной маржинальности инновационного продукта на выходе к коммерциализации.

3. Процентный риск и стоимость «длинных денег». Разработка оригинального препарата требует финансирования в течение 5–7 лет. При ключевой ставке ЦБ РФ выше 15% классическое банковское кредитование становится недоступным для большинства фарм-стартапов. Рост стоимости обслуживания долга в периоды волатильности вынуждает компании замораживать перспективные разработки в пользу выпуска дженериков с быстрой окупаемостью.

Механизмы минимизации рисков в отрасли:

Для снижения выявленных рисков ведущие игроки рынка (например, компании уровня «Биокад», «Р-Фарм») применяют следующие стратегии:

- Вертикальная интеграция: Создание собственных мощностей по синтезу субстанций (полный цикл), что позволяет перевести валютные риски во внутренние операционные расходы.

- Использование офсетных контрактов: Механизм, при котором государство гарантирует закупку определенного объема инновационной продукции по заранее оговоренной цене в обмен на инвестиции в производство. Это нивелирует рыночный риск неопределенности спроса.

- Синдицированное финансирование: Привлечение средств через институты развития (ФРП, ВЭБ.РФ) по льготным фиксированным ставкам (1–5% годовых), что полностью устраняет процентный риск волатильности рынка капитала

6. Результаты и обсуждение

Проведенный анализ показывает, что в условиях волатильности традиционный риск-менеджмент, основанный на простом резервировании капитала, неэффективен. Для высокотехнологичных отраслей, таких как фармацевтика, необходим переход к проактивной модели управления:

1. Внедрение «скользящего» хеджирования: Заключение форвардных контрактов на закупку оборудования и АФС не на весь проект сразу, а траншами, привязанными к этапам (милстоунам)

НИОКР.

2. Сценарный анализ при стресс-тестах: при оценке эффективности проекта (NPV) следует закладывать пессимистичный сценарий с волатильностью курса +/- 30% и стоимости заемного капитала на уровне ключевой ставки + 5%.

3. Гибридное финансирование: Сочетание венчурного капитала на ранних стадиях (где риски максимальны) и льготного государственного кредитования на стадии масштабирования производства.

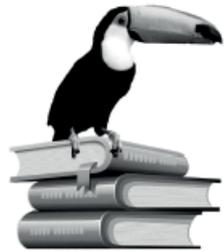
Финансовое обеспечение инноваций в условиях нестабильности рынков требует от бизнеса гибкости, а от государства — создания защитных механизмов, нивелирующих макроэкономические шоки. Кейс фармацевтической отрасли подтверждает, что успех инновационной деятельности сегодня зависит не столько от объема инвестиций, сколько от качества системы управления финансовыми рисками, интеграции в цепочки создания стоимости внутри страны и использования преференциальных режимов финансирования.

Список литературы:

- [1] Блау С. Л. *Инвестиционный анализ: Учебник.* — М.: Дашков и Ко, 2022. 174 с.
- [2] Виленский П. Л., Лившиц В. Н., Смоляк С. А. *Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика.* — М.: Дело, 2021. 888 с.
- [3] Кузнецов С. В. *Инновационное развитие регионов в условиях неопределенности // Экономика и управление.* — 2023. — № 5.
- [4] Дамодаран А. *Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов.* — М.: Альпина Паблишер, 2020. 1339 с.
- [5] *Индикаторы инновационной деятельности. // Официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).* URL: <https://rosstat.gov.ru>. (дата обращения: 05.01.2026).

References:

- [1] Blau S. L. *Investment Analysis: Textbook.* Moscow: Dashkov i Ko, 2022. 174 p.
- [2] Vilensky P. L., Livshits V. N., Smolyak S. A. *Evaluation of the Effectiveness of Investment Projects: Theory and Practice.* Moscow: Delo, 2021. 888 p.
- [3] Kuznetsov S. V. *Innovative Development of Regions in Conditions of Uncertainty // Economics and Management.* 2023. No. 5.
- [4] Damodaran A. *Investment Assessment: Tools and Methods for Valuing Any Assets.* Moscow: Alpina Publisher, 2020. 1339 p.
- [5] *Innovation Activity Indicators. Official data of the Federal State Statistics Service (Rosstat).* URL: <https://rosstat.gov.ru>. (date accessed: 05.01.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ГАРМАНОВА Полина Викторовна,
Студентка юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург
e-mail: lina.garmanova@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена сущность специального вида мошенничества в сфере кредитования. Исследование направлено на проблемные вопросы квалификации преступлений по ст. 159.1 УК РФ. Актуальность темы обусловлена противоречивой судебной практикой при определении предмета мошенничества. Автор анализирует спорные точки зрения в науке уголовного права относительно каждого элемента состава преступления. Проведен анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ и материалов судебной практики. В результате исследования выявлены типичные ошибки квалификации, обоснована необходимость дифференциации незаконного проникновения в зависимости от целей виновного. На основе проанализированных материалов сформулированы конкретные меры противодействия совершению мошенничества в сфере кредитования.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования; хищение; мошенничество; специальные виды мошенничества; проблемы квалификации специальных видов мошенничества, профилактика преступлений.

GARMANOVA Polina Viktorovna,
Law Student, St. Petersburg State University,
St. Petersburg

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE SPHERE OF CREDIT

Annotation. This article examines the nature of a specific type of fraud in the lending sector. The study focuses on the problematic issues of classifying crimes under Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this topic is due to the contradictory judicial practice in determining the subject of fraud. The author analyzes controversial points of view in criminal law regarding each element of the crime. The author also analyzes rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and case law. The study identifies typical classification errors and substantiates the need to differentiate illegal entry based on the perpetrator's intent. Based on the analyzed materials, specific measures to combat fraud in the lending sector are formulated.

Key words: credit fraud; theft; fraud; special types of fraud; problems of qualifying special types of fraud; crime prevention.

В первую очередь, для характеристики мошенничества в сфере банковского кредитования по УК РФ, необходимо обратить внимание на круг научных дискуссий относительно предмета преступления. П.Л. Сердюк [1] указывает на то, что предмет является основой, фундаментом возникновения общественных отношений. Предметом преступления надлежит признать материальное выражение объекта преступления, т.е. общественных отношений, на которые осуществляется уголовно-наказуемое посягательство. [2]

Отсюда видим, что понятие «имущества», данное в российском уголовном законе как предмет преступления рассматривается широко. Более точное содержание понятия дано законодателем в ст. 128 ГК РФ, где имуществом признается в том числе имущественные права (включая безличные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации

(интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Г.А. Кригер [3], проводящий исследования в данной области, справедливо отмечает, что предмет хищения следует признавать исключительно объекты материального мира, изъятого из их естественного состояния. С этой позицией частично можно согласиться. Мошенник не может изъять нематериализованное право, в отсутствие носителя. Любое имущественное право должно быть зарегистрировано надлежащим образом - путем составления соответствующего документа, внесения записи в реестр при необходимости.

В. Плохова [4], в свою очередь, в работе «Деньги и ценные бумаги как предмет преступления против собственности» предлагает точку зрения, согласно которой предметом мошенничества следует признавать документ как носитель права на получение имущества в случае, если посягательство осуществляется на безналичные деньги или ценные бумаги. Данная точка зрения представляется наиболее приближенной к формальному подходу и возможности соотношения предмета мошенничества в сфере кредитования с предметом иных преступлений против собственности, признаваемых хищениями.

Данные позиции представляют собой две диаметрально противоположные ситуации. На наш взгляд, целесообразно склоняться ко второй точке зрения, поскольку осуществляя преступное посягательство, мошенник преследует не только цель фактического завладения документом, счетом или чеками, но и в дальнейшем стремится воспользоваться ими с тем, чтобы через обман, ложные обещания и доверие вступить во взаимодействие с банком и получить большую выгоду. Целесообразно рассматривать такого рода материализованные носители права как инструмент совершения преступного посягательства.

В связи с этим, состоятельными надлежит признать теории таких ученых, как О.Олейник [5], Л. Ефимов, Б.В. Волженкин [6], которые в своих трудах отмечают, что предметом хищения в мошенничестве в сфере кредитования в любом случае являются деньги, а форма их выражения значения не имеет. Эта концепция рассматривает в качестве предмета преступного посягательства не предмет материального мира, а само право.

Б.В. Волженкин в своих трудах предлагает делить мошенничество на совершенное путем хищения и путем приобретения. Исследователь выводит данную концепцию из определения мо-

шенничества, которое он формулирует как «совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, либо совершенное теми же способами противоправное и безвозмездное приобретение права на чужое имущество».

Для оценки описанной концепции противопоставим понятия «хищение» и «приобретение». Большой юридический словарь [7] определяет хищение как безвозмездное изъятие имущества в пользу виновного или иных лиц, сопряженное с причинением имущественного вреда потерпевшему. Приобретение же представляет собой завладение имуществом путем обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, возникает вопрос необходимости выделения такой категории как мошенничество, совершенное путем хищения, поскольку в диспозиции ст. 159 УК РФ имеет место такой признак объективной стороны, как способ - путем обмана и злоупотребления доверием. На наш взгляд, такая классификация излишня и представляет собой дополнительные сложности при квалификации содеянного. Появляется дополнительная проблема для правоприменителя, связанная с разграничением составов мошенничества и кражи, что не может способствовать повышению эффективности и оперативности действий органов исполнительной власти и судебной системы.

Целесообразно обратиться к позиции Н.Д. Сергеевского [8], который утверждал, что между помещенными в раздел о хищениях преступлениями есть важное сходство: момент окончания преступления. Исследователь отмечает, что мошенничество считается оконченным с момента, когда произошла уступка или передача имущества или права на имущество, что совпадает с моментом окончания кражи или грабежа: фактического завладения имуществом. Мы склонны отрицать правильность выделения такого рода сходства, поскольку это порождает ряд проблем при рассмотрении судами дел о мошенничестве. На наш взгляд, отнесение законодателем состава мошенничества к хищениям не является верным.

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение ви-

нового или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. Однако исследование предмета преступления подводит нас к выводу о том, что преступление является окончательным с момента подписания с банком договора, поскольку у субъекта возникает субъективное право в рамках гражданско-правовых отношений, связанное с обязанностью банка предоставить определенную денежную сумму должнику в рамках договора кредитования. Физическое лицо имеет возможность вступать в гражданско-правовые отношения независимо от того, есть ли фактически на его счету денежная сумма, которая должна поступить от банка - в ряде договоров это допустимо. Однако обвиняемый пока не имеет реальной возможности распорядиться данными денежными средствами.

Иным образом складывается ситуация относительно кражи, где момент окончания преступления, связанный с фактическим овладением вещи всегда сопряжен с появлением реальной возможности распоряжения имуществом. Так, вытащив в толпе кошелек из чужой сумки или кармана, субъект преступления сразу же получает возможность распоряжения находящимися в кошельке деньгами.

На основе ст. 20 УК РФ субъект мошенничества в сфере кредитования может быть определен как «вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако перед нами возникает ряд проблем, связанных с тем, что субъектом нередко могут выступать специальные субъекты. Так, ч. 3 ст. 159.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака рассматривает использование лицом при совершении противоправного деяния служебного положения. Данный квалифицирующий признак предусматривает, что должностное лицо или служащий использует свои полномочия, авторитет или служебную зависимость других лиц для совершения преступных действий. При этом в документы нередко вносятся заведомо ложные сведения, что дает основание для квалификации содеянного дополнительно по ст. 327 УК РФ.

Нередко на практике встречаются преступления, в которых субъектами являются представители банковской деятельности. Можно констатировать, что в случаях, когда субъектом мошенничества в сфере кредитования выступает руководитель банка, имеет место особая обще-

ственная опасность, поскольку размер ущерба для экономики и финансовой системы государства в значительной степени возрастает. Кроме того, часто встречаются дела, в которых субъектами преступления являются сотрудники бухгалтерии банков и заведующие кредитными отделами. Такого рода показатели могут быть объяснимы наличием специальных знаний субъекта, связанных с осуществлением финансовых операций в профессиональной сфере, что делает этих субъектов наиболее опасными. Раскрытие преступлений при таких обстоятельствах в значительной мере затруднено ввиду того, что субъект может предусмотреть ряд нюансов в работе тех или иных организаций.

Примечательно, что мошенничество в сфере кредитования может осуществляться не только банковскими работниками, но и сотрудниками предприятий с различными формами собственности. Безусловно, субъектом нередко выступают и физические лица, стремящиеся получить кредит.

Согласно правоприменительной практике, одним из наиболее распространенных способов мошенничества в сфере кредитования является использование подставных лиц. Такие преступления, как правило, носят групповой характер. Организаторы склоняют к совершению преступлений социально дезориентированных граждан, например, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, ведущих асоциальный образ жизни, которые за незначительное вознаграждение предоставляют банку поддельные документы и подписывают кредитные договоры (Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москва № 01-0301/2025 1-301/2025 от 24 июня 2025 г. по делу № 01-0301/2025; Постановление Подольского городского суда Московской области № 1-532/2025 от 19 июня 2025 г. по делу № 1-532/2025; Решение Петушинского районного суда Владимирской области № 2-450/2025 от 30 июня 2025 г. по делу № 2-450/2025; Приговор Лобненского городского суда Московской области № 1-123/2025 от 2 июня 2025 г. по делу № 1-123/2025)

Для оформления кредитов преступники часто используют чужие паспорта - похищенные или поддельные. К паспортам нередко прикладывается фиктивный пакет документов: справки о доходах, трудоустройстве и иные бумаги, создающие ложное впечатление о платежеспособности клиента (Приговор Советского районного суда г. Махачкалы № 1-549/2025 от 22 июня 2025 г. по делу № 1-549/2025; Приговор Останкинского районного суда г. Москва № 01-0159/2025 от 24 апреля

2025 г. по делу № 01-0159/2025; Приговор Кунцевского районного суда г. Москва № 01-0203/2025 от 23 апреля 2025 г. по делу № 01-0203/2025). Распространенным предлогом для временного завладения паспортом является обещание трудоустройства или выдачи гражданства РФ. Кроме того, нередко встречается использование персональной информации третьих лиц. (Решение Ленинского районного суда г. Барнаул № 2-1696/2025 2-1696/2025~М-1093/2025 М-1093/2025 от 30 июля 2025 г. по делу № 2-1696/2025; Решение Сенгилеевского районного суда Ульяновской области № 2-1-204/2025 от 16 июня 2025 г. по делу № 2-1-204/2025)

Однако несмотря на то, что предметом преступления выступает имущество банка или кредитной организации, при квалификации содеянного надлежит провести последовательный анализ объективной стороны. Как разъяснил Верховный Суд РФ в п. 5 утратившего силу Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2007 №51, использование несуществующих предприятий и подставных лиц при оформлении кредитного договора свидетельствует о необходимости квалификации по ст. 159 УК РФ, а не 159.1 УК РФ. В соответствии с п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 №48, если лицо для завладения денежными средствами использует подложные документы, выдает себя за другого человека или действует от имени несуществующего лица, содеянное квалифицируется не как специальный состав мошенничества в сфере кредитования, а как общее мошенничество.

Однако практика нередко идет вразрез с данными разъяснениями Верховного суда. Из мониторинг правоприменительной практики за последние несколько лет позволяет сделать вывод о тенденции судов квалифицировать случаи хищения денежных средств у банков и кредитных организаций, несмотря на использование обвиняемым поддельных паспортов, фирм-однодневок и подставных лиц, по ст. 159.1 УК РФ.

Обобщая все вышесказанное, отметим, проблема квалификации мошенничества в сфере кредитования представляет собой сложный вызов для современной экономической и правовой системы России. Как было отражено в статье, эволюция мошеннических схем от подлогов до высокотехнологических операций с использованием искусственного интеллекта и возможностей сети Интернет напрямую коррелирует с развитием цифровых технологий. Мошенничество в сфере кредитования представляет собой сложную и многоаспектную проблему как для правоприменителя, так и для законодателя. Как показывает анализ судебной практики и доктрины, при квалификации противоправных действий, направленных против интересов банков и кредитных организаций, возникает ряд трудностей, связанных с разграничением мошенничества в сфере кредитования от иных составов. Однако целенаправленная и всесторонняя борьба с мошенничеством в сфере кредитования является гарантом противодействия формированию умысла и снижению случаев реализации преступной деятельности.

Список литературы:

- [1] Сердюк П.Л. Мошенничество в сфере банковского кредитования : уголовно-правовое и криминологическое исследование / под ред. заслуж. деятеля науки РФ, д-ра. юрид. наук, проф. С.П. Щербы. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 160 с.
- [2] Авдеев В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв.ред. А.И. Рарог. — 2-е изд., перераб.и доп. - М. : Проспект. — 2024. — 624 с.
- [3] Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. — Москва : Госюриздат, 1957. — 208 с.
- [4] Плохова В.И. Деньги и ценные бумаги как предмет преступления против собственности // Уголовное право. — 2002. — №4 — С. 31-32.
- [5] Олейник О. М. Банковский счет: законодательство и практика // Закон. — 1997. — №1 — С. 97-102.
- [6] Волженкин Б.В. Мошенничество / С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ. — Санкт-Петербург, 1998. - 36 с.
- [7] Большой юридический словарь : 3-е изд., доп.и перераб. / под ред. А. Я. Сухарева. — М. : ИН-ФРА-М, 2007. — 858 с.
- [8] Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая : Пособие к лекциям / Н.Д. Сергеевский. — Москва : 1887. — ARCHIVE PUBLICA, 2025. — 434 с.

References:

[1] Serdyuk P.L. *Fraud in Bank Lending: A Criminal-Law and Criminological Study* / edited by Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor S.P. Shcherba. Moscow: Yurlitinform, 2009. — 160 p.

[2] Avdeev V.A. *Criminal Law of Russia. General and Special Parts: A Textbook for Bachelors* / Ed. A.I. Rarog. — 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect Publishing House, 2024. — 624 p.

[3] Kriger G.A. *Liability for the Theft of State and Public Property under Soviet Criminal Law*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. — 208 p.

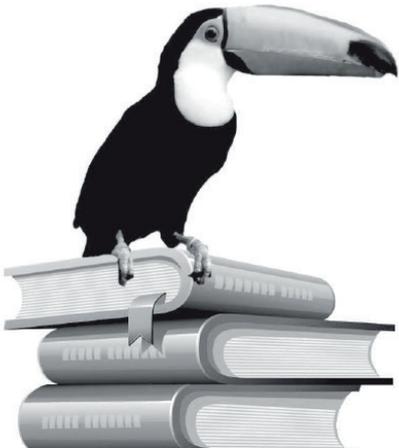
[4] Plokhova V.I. *Money and Securities as the Subject of a Crime against Property // Criminal Law*. - 2002. - No. 4 - pp. 31-32.

[5] Oleynik O. M. *Bank Account: Legislation and Practice // Zakon*. - 1997. - No. 1 - pp. 97-102.

[6] Volzhenkin B.V. *Fraud / St. Petersburg. Legal Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. - St. Petersburg, 1998. - 36 p.

[7] *Comprehensive Law Dictionary: 3rd ed., supplemented and revised / edited by A. Ya. Sukharev*. - Moscow: INFRA-M, 2007. - 858 p.

[8] Sergeevsky N.D. *Russian Criminal Law. General Part: Lecture Handbook / N.D. Sergeevsky*. - Moscow: 1887. - ARCHIVE PUBLICA, 2025. - 434 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-53-56

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.

МАЛЬЦЕВА Юлия Витальевна,
Магистр, кафедра теории и истории государства и права
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: pervomay103@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОСТАВА НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых и организационных проблем установления состава наследственного имущества в нотариальной практике. Рассматриваются трудности, связанные с разрозненностью государственных реестров, наследованием цифровых активов, долей в ООО, незарегистрированного имущества. Анализируется влияние новых институтов наследственного планирования на определение состава наследственной массы. Оценивается роль Единой информационной системы нотариата.*

Ключевые слова: *наследственная масса, нотариальная практика, цифровые активы, наследование долей в ООО, Единая информационная система нотариата, совместное завещание, наследственный договор.*

MALTSEVA Yulia Vitalievna,
Master's Degree,
Department of Theory and History of State and Law
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE COMPOSITION OF HEREDITARY PROPERTY IN NOTARIAL PRACTICE

Annotation. *The article analyzes legal and organizational problems of establishing the composition of hereditary property in notarial practice. The difficulties associated with the fragmentation of state registers, inheritance of digital assets, shares in LLC, and unregistered property are examined. The impact of new estate planning instruments on determining the composition of the estate is analyzed.*

Key words: *estate composition, notarial practice, digital assets, inheritance of shares in LLC, Unified Information System of the Notariat, joint will, inheritance contract.*

Определение состава наследственной массы остаётся одной из наиболее сложных задач российского нотариата. Нотариус обязан проверять состав и место нахождения наследственного имущества (ст. 72, 73 Основ законодательства о нотариате), однако отсутствие единого реестра имущества граждан, появление цифровых активов и незавершённость межведомственного электронного взаимодействия создают системные препятствия для полного выявления наследственной массы. Статья 1112 ГК РФ определяет наследство широко: вещи, имущественные права и обязанности [1], но практическое установление каждого

элемента требует преодоления значительных барьеров.

Целью настоящего исследования является систематизация ключевых проблем установления состава наследственного имущества в нотариальной практике. Методологическую основу составляют формально-юридический и системно-структурный методы.

Правовой фундамент образует раздел V части третьей ГК РФ (ст. 1110–1185). Статья 1171 ГК РФ обязывает банки и иные юридические лица по запросу нотариуса сообщать сведения об имуществе наследодателя [1]. Методические рекоменда-

ции ФНП по оформлению наследственных прав (протокол от 25.03.2019 № 03/19) конкретизируют порядок получения информации [4]. Вместе с тем законодательство не предусматривает механизма системного розыска всего имущества наследодателя. Как отмечает П.В. Крашенинников, полнота выявления наследственной массы зависит от информированности наследников и добросовестности третьих лиц [15].

Главная структурная проблема – отсутствие единого реестра имущества граждан. Недвижимость регистрируется в ЕГРН, транспортные средства – в ГИБДД, банковские счета – в каждом банке отдельно, доли в обществах – в ЕГРЮЛ. Модуль «ФНП. Розыск имущества наследодателя» (с 2020 г.) частично решает проблему для банковских счетов [17], однако к системе подключены далеко не все банки. Электронное взаимодействие с Росреестром развито лучше: нотариусы ежегодно направляют миллионы запросов в ЕГРН [2]. Взаимодействие же с ГИБДД остаётся преимущественно бумажным.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ признаёт криптовалюту «имуществом», а ст. 141.1 ГК РФ включает цифровые права в перечень объектов гражданских прав. Формально криптовалюта подпадает под ст. 1112 ГК РФ [16]. Однако анонимность блокчейна не позволяет идентифицировать владельца криптокошелька, без приватного ключа передача криптоактивов невозможна, а высокая волатильность затрудняет оценку на дату открытия наследства [14]. Статья 14 указанного Закона устанавливает, что судебная защита прав на цифровую валюту возможна лишь при уведомлении налоговых органов [3]. Ю.С. Харитоновна обосновывает необходимость специального регулирования наследования цифровых активов [19].

Наследование доли в уставном капитале ООО порождает коллизии наследственного и корпоративного права. Согласно ст. 1176 ГК РФ доля входит в состав наследства, но ст. 21 ФЗ «Об ООО» допускает требование согласия участников на переход доли [1]. В Определении № 310-ЭС23-663 (2023 г.) Верховный Суд указал, что наследование права на долю не предоставляет автоматически корпоративных прав [8]. Определение № 306-ЭС23-26474 от 01.07.2024 разъяснило, что уставные ограничения распространяются и на выделение супружеской доли [9]. В период до принятия наследства нотариус обязан учредить доверительное управление долей (ст. 1173 ГК РФ) [11].

Нередко наследодатель не успевает зарегистрировать право на недвижимость. Пункт 8 ППВС от 29.05.2012 № 9 разъясняет: наследники вправе обратиться в суд с требованием о включении такого имущества в наследственную массу [6]. Самовольные постройки не могут быть включены в наследственную массу (п. 27 ППВС от 29.04.2010 № 10/22) [5], но наследник земельного участка вправе признать право на постройку (п. 14 ППВС от 12.12.2023 № 44) [7].

Долги наследодателя – зеркальная сторона наследственной массы: наследники отвечают в пределах стоимости перешедшего имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Критическая проблема – отсутствие обязанности кредиторов уведомлять нотариуса. Закон, одобренный Советом Федерации в ноябре 2024 года, обязывает нотариуса в течение трёх дней запросить информацию о долгах и сообщить наследникам [18].

Реформа 2018–2022 гг. ввела совместное завещание супругов (п. 4 ст. 1118 ГК РФ), наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ), наследственный фонд (ст. 123.20-8 ГК РФ) и личный фонд (ст. 123.20-4 ГК РФ). Эти инструменты позволяют наследодателю при жизни зафиксировать состав и распределение имущества, но их применение остаётся ограниченным [13]. А.В. Демкина указывает, что новые институты одновременно усложняют работу нотариуса при нескольких основаниях наследования [12]. О.Е. Блинков предупреждает о сложностях фидуциарного характера этих институтов ещё до их введения [10].

ЕИС нотариата (с 01.07.2014) содержит свыше 352 млн записей [17], однако не консолидирует информацию обо всём имуществе гражданина. Реестр наследственных дел содержит данные о нотариусе и наследодателе, но не о составе имущества.

Проведенное исследование выявляет противоречие: широкое материально-правовое определение наследственной массы (ст. 1112 ГК РФ) не обеспечено адекватным процедурным механизмом её выявления. Необходимо создание единого «окна» нотариальных запросов, специального механизма наследования цифровых активов, совершенствование информирования о долгах наследодателя и развитие институтов прижизненного наследственного планирования как наиболее эффективного способа обеспечения полноты наследственной массы.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [2] О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.
- [3] О цифровых финансовых активах: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.
- [4] Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19).
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.
- [6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 7.
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 17.02.2026).
- [8] Определение СК по экономическим спорам ВС РФ № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-310-es23-663-po-delu-n-a83-180842020/> (дата обращения: 17.02.2026).
- [9] Определение СК по экономическим спорам ВС РФ № 306-ЭС23-26474 от 01.07.2024 // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01072024-n-306-es23-26474-po-delu-n-a12-265922022/> (дата обращения: 17.02.2026).
- [10] Блинков О. Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? / О. Е. Блинков // Наследственное право. – 2015. – № 3. – С. 3-7.
- [11] Блиндерман Е. С. Нотариальная защита наследственных прав граждан / Е. С. Блиндерман // Вестник науки. – 2019. – Т. 4, № 8(17). – С. 33-45.
- [12] Демкина А.В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 12. С. 63–74.
- [13] Деньгин А. Г. О практических проблемах исполнения совместного завещания супругов / А. Г. Деньгин // Наследственное право. – 2021. – № 2. – С. 28-30.
- [14] Ермола Н.Д. Проблемы наследования цифровых активов // Сибирский юридический форум. URL: <https://conf.siblu.ru/problemy-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov> (дата обращения: 17.02.2026).
- [15] Крашенинников П.В. Наследственное право : (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П. В. Крашенинников. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : Статут, 2021. - 302 с.
- [16] Наследование криптовалюты: правовые аспекты // Klerk.ru. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/exchagent/678992/> (дата обращения: 17.02.2026).
- [17] Негодаева Е. Г. Цифровые технологии в нотариальной деятельности / Е. Г. Негодаева, А. В. Суховенко, В. А. Поляков // Философия права. – 2024. – № 4(111). – С. 21-26.
- [18] Нотариус обязан запросить информацию о долгах наследодателя // RBC Недвижимость. URL: <https://realty.rbc.ru/news/673f221d9a79477f895e2a88> (дата обращения: 17.02.2026).
- [19] Харитонов Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов // Право. Журнал ВШЭ. 2024. Т. 17. № 2. С. 74–95.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
- [2] On State Registration of Real Estate: Federal Law of July 13, 2015, No. 218-FZ (as amended on December 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29. Art. 4344.

[3] *On Digital Financial Assets: Federal Law of July 31, 2020, No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5018.*

[4] *Methodological Recommendations for the Registration of Inheritance Rights (approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber of 25.03.2019, Protocol No. 03/19).*

[5] *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of 29.04.2010 (as amended on 12.12.2023) «On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 6.*

[6] *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 No. 9 (as amended on 24.12.2020) «On Judicial Practice in Inheritance Cases» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 7.*

[7] *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.12.2023 No. 44 «On certain issues arising in judicial practice when applying the rules on unauthorized construction» // SPS ConsultantPlus. (date accessed: 17.02.2026).*

[8] *Ruling of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 310-ES23-663 in case No. A83-18084/2020 // [Electronic resource] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-310-es23-663-po-delu-n-a83-180842020/> (date of access: 02/17/2026).*

[9] *Ruling of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-26474 of July 1, 2024 // [Electronic resource] URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01072024-n-306-es23-26474-po-delu-n-a12-265922022/> (accessed on February 17, 2026).*

[10] *Blinkov, O. E. On the joint will of spouses in Russian inheritance law: to be or not to be? / O. E. Blinkov // Inheritance law. – 2015. – No. 3. – P. 3-7.*

[11] *Blinderman E. S. Notarial protection of inheritance rights of citizens / E. S. Blinderman // Bulletin of Science. – 2019. – Vol. 4, No. 8(17). – P. 33-45.*

[12] *Demkina A. V. Personal funds in the framework of the reform of inheritance law in Russia // Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 12. P. 63-74.*

[13] *Dengin A. G. On the practical problems of executing a joint will of spouses / A. G. Dengin // Inheritance law. – 2021. – No. 2. – P. 28-30.*

[14] *Ermola N. D. Problems of inheritance of digital assets // Siberian Legal Forum. URL: <https://conf.siblu.ru/problemy-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov> (date of access: 17.02.2026).*

[15] *Krasheninnikov P.V. Inheritance law: (including inheritance funds, inheritance contracts and joint wills) / P. V. Krasheninnikov. - 5th ed., revised and enlarged. - Moscow: Statut, 2021. - 302 p.*

[16] *Inheritance of cryptocurrency: legal aspects // Klerk.ru. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/exchagent/678992/> (date of access: 17.02.2026).*

[17] *Negodaeva E. G. Digital Technologies in Notarial Activity / E. G. Negodaeva, A. V. Sukhovenko, V. A. Polyakov // Philosophy of Law. - 2024. - No. 4 (111). - Pp. 21-26.*

[18] *A Notary Is Obligated to Request Information on the Debts of the Testator // RBC Real Estate. URL: <https://realty.rbc.ru/news/673f221d9a79477f895e2a88> (date of access: 17.02.2026).*

[19] *Kharitonova Yu. S. Inheritance of Legalized Digital Assets // Law. HSE Journal. 2024. Vol. 17. No. 2. Pp. 74-95.*

ЭМИРАСАНОВА Радмила Альбертовна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА, ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОН В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому анализу состава похищения человека. Рассматривается комплексный характер объекта преступления, эволюция его объективной стороны, включая современные способы совершения (использование цифровых технологий, препаратов, служебного положения), и проблемы установления субъективной стороны. Определяются начало и окончание преступления, субъект и возможность освобождения от ответственности по примечанию к ст. 126 УК РФ.

Ключевые слова: похищение человека; уголовно-правовая характеристика; непосредственный объект; личная свобода; объективная сторона; способы похищения; цифровые технологии; субъективная сторона; прямой умысел; неосторожная смерть; квалификация преступления.

EMIRASANOVA Radmilla Albertovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Simferopol, Russia

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF KIDNAPPING: PROBLEMS OF THE OBJECT, OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIDES IN A MODERN INTERPRETATION

Annotation. The article is devoted to the criminal law analysis of the crime of kidnapping. It examines the complex nature of the crime's object, the evolution of its objective aspect, including modern methods of commission (use of digital technologies, drugs, official position), and problems in establishing the subjective aspect. The moment of the crime's commencement and completion, the subject of the crime, and the possibility of exemption from criminal liability under the note to Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation are determined.

Key words: kidnapping; criminal law characterization; immediate object; personal freedom; objective side; methods of kidnapping; digital technologies; subjective side; direct intent; negligent death; crime qualification.

Уголовно-правовой охране личной свободы как одному из фундаментальных прав человека посвящена ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) – «Похищение человека» [1]. Однако в теории уголовного права на протяжении многих лет ведутся дискуссии относительно точного содержания непосредственного объекта данного преступления.

Традиционная позиция, разделяемая большинством ученых, заключается в том, что непосред-

ственным объектом похищения человека является личная (физическая) свобода человека [2]. Под личной свободой в данном контексте понимается возможность индивида автономно, по собственному усмотрению, определять свое местонахождение, перемещаться и действовать. Посягательство на эту свободу выражается в противоправном изъятии человека из его привычной среды, перемещении в другое место и последующем удержании против его воли.

Однако существует и иная, более широкая трактовка. Ряд авторов, таких как А.В. Наумов [3] и С.В. Бородин [4], полагают, что объектом преступления является не только личная свобода, но и безопасность жизни и здоровья потерпевшего. Свою позицию они аргументируют тем, что сам процесс похищения, перемещения и удержания сопряжен с реальным риском причинения вреда здоровью или даже смерти жертве, что осознается виновным. Данная точка зрения находит косвенное подтверждение и в законодательной конструкции ст. 126 УК РФ, где квалифицирующие признаки (ч. 2 и ч. 3) прямо указывают на связь похищения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с причинением по неосторожности смерти или иных тяжких последствий.

Представляется, что наиболее обоснованной является комплексная позиция, согласно которой основным непосредственным объектом похищения человека выступает личная свобода, а дополнительным факультативным объектом – безопасность жизни и здоровья потерпевшего. Это означает, что при совершении «простого» похищения (ч. 1 ст. 126 УК РФ) без применения насилия объектом преступления является исключительно личная свобода. Однако, когда похищение сопряжено с реальным или потенциальным причинением вреда здоровью, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом уголовно-правовой охраны. Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» разъясняет, что насилие при похищении может быть, как физическим, так и психическим, и его опасность оценивается с учетом конкретных обстоятельств дела [5].

Эта проблема напрямую связана с вопросом квалификации похищения, когда виновный изначально не планировал применять насилие. Например, жертва была заманена в помещение обманом и добровольно следует за похитителем, который лишь затем приступает к ее удержанию. В данном случае, даже если физическое насилие не применялось, сам факт ограничения свободы передвижения и лишения возможности действовать по своей воле является насильственным актом в широком смысле. Состав преступления формальный, он считается оконченным с момента фактического захвата и начала ограничения свободы, независимо от длительности удержания [6]. Следователь-

но, умысел виновного изначально направлен на лишение свободы, а необязательное применение физического насилия не меняет квалификации по ч. 1 ст. 126 УК РФ. Если же в процессе удержания виновный начинает применять насилие, не опасное для жизни или здоровья (например, связывает), это уже охватывается основным составом и не требует дополнительной квалификации. Если же применяется насилие, опасное для жизни или здоровья, либо возникает иной квалифицирующий признак, содеянное переквалифицируется на соответствующую часть ст. 126 УК РФ.

Таким образом, непосредственный объект похищения человека является сложным и может видоизменяться в зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления, что должно учитываться правоприменителем при квалификации.

Объективная сторона похищения человека, согласно диспозиции ст. 126 УК РФ, характеризуется тремя последовательными действиями:

- 1) захват (тайный, открытый, с применением насилия или без такового);
- 2) перемещение;
- 3) последующее удержание.

В современных условиях эти действия могут осуществляться с использованием новых, высокотехнологичных и изощренных способов, что требует их тщательного уголовно-правового анализа.

1. Использование средств цифровой коммуникации для заманивания жертвы. Классический сценарий уличного нападения все чаще заменяется схемами, построенными на социальной инженерии и доверии. Распространенным способом является заманивание под предлогом трудоустройства. Преступники создают фиктивные кадровые агентства или компании-однодневки, размещают привлекательные вакансии в интернете, проводят онлайн-собеседования и приглашают соискателя в офис для оформления документов или прохождения стажировки, который на деле оказывается местом для последующего похищения и удержания с целью принуждения к труду (в том числе в условиях рабства) или выкупа.

С уголовно-правовой точки зрения, сам по себе обман, использованный для добровольного следования жертвы к месту удержания, не исключает состава похищения человека. Как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, «захват» может быть осуществлен не только физическим, но и психическим воздействием [7]. Момент окончания преступления в такой ситуации наступает не

в момент заманивания, а в момент, когда жертва, оказавшись в помещении (или ином месте), лишается возможности его покинуть по своей воле, даже если первоначально она прибыла туда добровольно. Обман в данном случае является способом преодоления воли потерпевшего и облегчения совершения последующих действий по перемещению и удержанию.

2. Применение препаратов, лишаящих воли. Использование сильнодействующих веществ, психотропных или наркотических средств (например, бензодиазепинов, клофелина, производных γ -оксимасляной кислоты) для приведения жертвы в беспомощное состояние представляет повышенную общественную опасность. Такой способ непосредственно посягает не только на личную свободу, но и на здоровье потерпевшего. Применение подобных препаратов с целью облегчить захват и перемещение должно квалифицироваться по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ – похищение человека «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». Даже если реального вреда здоровью не было причинено, сам факт введения в организм неизвестного вещества, способного вызвать тяжелые последствия, создает реальную угрозу для жизни и здоровья, что подпадает под понятие опасного насилия [5].

Если в результате применения такого препарата по неосторожности наступает смерть потерпевшего, содеянное требует квалификации по ч. 3 ст. 126 УК РФ. Сложность доказывания в таких случаях заключается в установлении причинно-следственной связи между действиями виновного (введением препарата) и наступившими последствиями, что требует проведения комплексной судебно-медицинской и судебно-химической экспертизы.

3. Использование служебного положения. П. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за похищение человека, совершенное с использованием служебного положения. Субъектами такого преступления могут быть как государственные или муниципальные служащие, так и частные лица, обладающие управленческими или контролирующими функциями в коммерческой организации (например, руководитель службы безопасности, охранник). Использование служебного положения может проявляться в различных формах:

- Для доступа к жертве: например, сотрудник частного охранного предприятия, злоупотребляя полномочиями, под предлогом проверки докумен-

тов задерживает человека и перемещает его в неизвестном направлении.

- Для организации похищения: руководитель использует подчиненных и ресурсы компании для планирования и осуществления захвата.

- Для обеспечения удержания: лицо использует принадлежащие организации или охраняемые им объекты (склады, подвалы, кабинеты) в качестве места для содержания похищенного.

Использование служебного положения не только облегчает совершение преступления, но и подрывает доверие к государственным и общественным институтам, что обуславливает его признание в качестве квалифицирующего обстоятельства.

Таким образом, эволюция способов совершения похищения человека требует от правоприменителя глубокого понимания объективной стороны состава преступления и способности квалифицировать действия виновных, даже когда традиционные формы насилия заменяются сложными методами манипуляции и злоупотребления доверием.

Как формальный состав, похищение человека считается оконченным с момента совершения противоправных действий по захвату и началу перемещения человека с целью его последующего удержания в другом месте. Не требуется, чтобы все три действия (захват, перемещение, удержание) были завершены; достаточно установить факт захвата и начала перемещения против воли потерпевшего. Длительность удержания не влияет на квалификацию по ч. 1 ст. 126 УК РФ, но может учитываться при назначении наказания. Началом преступления является момент совершения действий, непосредственно направленных на захват человека (например, насильственное завладение, применение обмана для заманивания в транспорт).

Субъект похищения человека — общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет (ст. 20 УК РФ). Это подчеркивает повышенную общественную опасность данного деяния.

Квалифицированные составы (ч. 2 и ч. 3 ст. 126 УК РФ) могут предусматривать и специально субъекта, например, лицо, использующее свое служебное положение (п. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ).

Субъективная сторона похищения человека характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что противоправно захватывает, перемещает и удерживает другого человека против его воли, и желает совершить эти действия. Однако на практике установление именно прямого умысла может

быть сопряжено с определенными трудностями.

Проблемы установления прямого умысла. Основная сложность возникает в ситуациях, когда виновный утверждает, что действовал, например, в рамках «воспитательных» мер (родитель, насильно удерживающий ребенка, похищенного у второго родителя), либо в состоянии аффекта, либо без цели причинения какого-либо вреда, а «в шутку». В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, для наличия состава преступления не имеет значения мотив действий виновного (месть, корысть, хулиганские побуждения и т.д.), за исключением тех случаев, когда они указаны в законе в качестве обязательных признаков [5]. Целью похищения является именно лишение человека свободы. Поэтому, если лицо осознавало, что его действия направлены на ограничение свободы другого человека, и желало этого, его действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ. Отсутствие цели получить выкуп или причинить иной вред не исключает умысла на лишение свободы.

Особую проблему представляет квалификация неосторожного причинения смерти в процессе похищения. Ч. 3 ст. 126 УК РФ устанавливает ответственность за похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Данный состав сконструирован как преступление с двумя формами вины: умысел по отношению к основному действию (похищению) и неосторожность по отношению к наступившим последствиям (смерти).

Ключевым является разграничение ч. 3 ст. 126 УК РФ и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Если смерть наступила в результате самих действий по захвату, перемещению или удержанию, которые по своему характеру не были направлены на лишение жизни, содеянное квалифицируется исключительно по ч. 3 ст. 126 УК РФ. Например, потерпевший умирает от сердечного приступа, вызванного стрессом при похищении; погибает в результате случайного падения при перемещении; умирает от асфиксии, непреднамеренно вызванной при связывании.

Если же смерть причиняется в результате самостоятельных, выходящих за рамки самого акта похищения, умышленных действий, квалификация может быть иной. Так, если виновный, применяя насилие, опасное для жизни, умышленно причиняет тяжкий вред здоровью, от которого наступает смерть, но сам он не желал, но лишь допускал ее наступление или относился к этому

безразлично, содеянное требует квалификации по совокупности преступлений: по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) и по соответствующей части ст. 126 УК РФ [8]. Однако если умысел виновного был направлен именно на убийство, а похищение явилось способом его совершения, то речь идет о совокупности ст. 105 и ст. 126 УК РФ.

Вопрос о вине в «иных тяжких последствиях». Помимо смерти, ч. 3 ст. 126 УК РФ предусматривает ответственность за причинение «иных тяжких последствий».

К ним судебная практика относит, в частности, самоубийство потерпевшего, психическое расстройство, крупный материальный ущерб, срыв ответственных переговоров, приведший к банкротству предприятия, и т.п. [5]. Проблема заключается в определении формы вины по отношению к этим последствиям. В доктрине уголовного права преобладает точка зрения, что «иные тяжкие последствия» также охватываются неосторожной формой вины. Виновный не желает их наступления, но либо легкомысленно рассчитывает их предотвратить, либо не предвидит, хотя должен и мог предвидеть.

Например, если похищенный, находясь в состоянии сильной депрессии из-за длительного незаконного лишения свободы, совершает самоубийство, виновный должен нести ответственность по ч. 3 ст. 126 УК РФ, если будет установлено, что он не предвидел такого исхода, но по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть возможность его наступления (неосторожность в форме преступного легкомыслия или небрежности). Если же виновный умышленно доводит потерпевшего до самоубийства путем систематических издевательств и угроз, содеянное может потребовать дополнительной квалификации по ст. 110 УК РФ.

Примечание к ст. 126 УК РФ предусматривает специальный вид освобождения от уголовной ответственности, не являющийся реабилитирующим. Лицо, впервые совершившее похищение человека (по ч. 1 или п. «а», «в», «г» ч. 2), может быть освобождено от ответственности, если оно добровольно освободило похищенного и при этом в его действиях не содержится иного состава преступления.

Условия применения:

1. Добровольность освобождения: Решение должно исходить от самого виновного, а не быть вызванным невозможностью удерживать потер-

певшего (например, из-за риска задержания) или выполнением его требований. Мотивы могут быть любыми (раскаяние, страх наказания).

2. Отсутствие иного состава преступления: В действиях виновного не должно быть признаков других преступлений (например, причинения вреда здоровью, истязания, изнасилования, вымогательства). Если такие деяния имели место, освобождение по примечанию не применяется, и лицо несет ответственность по совокупности преступлений.

3. Применимость к составу: Данное примечание не применяется, если в действиях виновного есть квалифицирующие признаки, связанные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в», «д» ч. 2), либо если похищение повлекло последствия по ч. 3 ст. 126 УК РФ (смерть или тяжкие последствия).

Таким образом, правильная квалификация последствий похищения человека требует тщательного установления психического отношения виновного как к основному действию, так и к наступившим последствиям, с учетом специфики двойной формы вины, присущей ч. 3 ст. 126 УК РФ.

Правоприменительная практика сталкивается со значительными сложностями при разграничении похищения человека (ст. 126 УК РФ) от смежных составов преступлений, что зачастую приводит к судебным ошибкам. Ключевыми проблемами являются:

1. Отграничение от незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ). Это наиболее частая и сложная проблема. Формальный критерий — отсутствие признаков захвата и перемещения — на практике размыт. Например, если лицо было заманено обманом в помещение и затем там удержано, одни суды усматривают «захват» в момент психологического воздействия (обмана) и «перемещение» как сам факт прибытия в место удержания, квалифицируя содеянное как похищение. Другие же, акцентируя внимание на добровольности первоначального следования, видят в этом лишь незаконное лишение свободы. Верховный Суд РФ указывает, что для наличия похищения необязательно физическое насилие при захвате, достаточно установить, что виновный противоправно изъял потерпевшего из его микросоциальной среды. Однако единообразное понимание «изъятия» в казуальных ситуациях отсутствует. Особенно сложны случаи с так называемым «удержанием по согласию» (например, в отношении должника),

когда первоначальное прибытие было добровольным, но последующий запрет на уход — насильственным. Проблема усугубляется значительной разницей в санкциях статей.

2. Отграничение от захвата заложника (ст. 206 УК РФ). Разграничение проводится по направленности умысла и адресату предъявляемых требований. При захвате заложника требования предъявляются государству, организации или третьим лицам, а общественная безопасность является основным объектом. При похищении требования (чаще о выкупе) адресованы непосредственно потерпевшему или его близким, а основным объектом является личная свобода. Однако на практике виновные могут комбинировать эти цели. Например, похищенному родственнику бизнесмена предъявляется требование о выкупе (похищение), но параллельно совершается публичное обращение к властям с политическими требованиями, используя факт похищения как рычаг давления (захват заложника). В таких ситуациях необходима квалификация по совокупности преступлений, но установление двойного умысла представляет серьезную доказательственную трудность.

3. Квалификация при трансформации умысла и реальной совокупности. Серьезной проблемой является изменение намерений виновного в процессе преступления. Если изначальный план похищения с целью получения выкупа в процессе удержания сменяется умыслом на убийство (например, из-за узнавания потерпевшим преступника), содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 126 и ст. 105 УК РФ. Однако если убийство было изначально задумано как способ сокрытия похищения (например, устранение свидетеля), возникает вопрос о поглощении менее тяжкого состава (похищения) более тяжким (убийством). Судебная практика в этом вопросе неоднородна: одни решения исходят из поглощения, другие — из реальной совокупности, так как похищение является самостоятельным действием, создающим условия для убийства.

4. Проблемы с квалифицирующими признаками, связанными с группой лиц. Сложности вызывает разграничение похищения, совершенного группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 126) и организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 126). Нередко устойчивая группа, созданная для занятия преступным бизнесом (например, рэкетом), совершает единичный акт похищения. Квалификация по п. «а» ч. 3 ст. 126 требует доказательств, что группа была организована именно

для совершения похищений или иных преступлений против личности, а не для иной преступной деятельности. Формальный подход к признаку «организованная группа» ведет к необоснованному ужесточению ответственности или, наоборот, к ошибочной квалификации по ч. 2.

Таким образом, для точной квалификации необходимо устанавливать не только формальные признаки «захвата-перемещения-удержания», но и конкретные обстоятельства изъятия, характер и адресата требований, момент возникновения и трансформации умысла, а также истинные цели создания преступной группы. Это требует от следствия и суда глубокого анализа субъективной стороны и всей динамики развития преступного деяния.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Непосредственный объект похищения человека является комплексным. Его ядро составляет личная физическая свобода, однако при наличии квалифицирующих признаков, особенно связанных с применением насилия, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом посягательства. Это подтверждается законодательной структурой ст. 126 УК РФ и судебной практикой.

Непосредственный объект похищения человека является комплексным. Его ядро составляет личная физическая свобода, однако при наличии квалифицирующих признаков, особенно связанных с применением насилия, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом посягательства. Это подтверждается законодательной структурой ст. 126 УК РФ и судебной практикой.

Объективная сторона преступления эволюционирует, включая в себя современные способы, такие как цифровой обман для заманивания жертвы, применение химических веществ и использование служебного положения. Эти способы не отменяют классической триады «захват-перемещение-удержание», но требуют от правоприменителя гибкого подхода к оценке момента окончания преступления и характера применяемого насилия.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом по отношению к лишению свободы. Ключевой проблемой квалификации является разграничение умысла и неосторожности при причинении тяжких последствий. Состав, предусмотренный ч. 3 ст. 126 УК РФ, является материальным и предполагает двойную форму вины, что позволяет отграничивать его от смежных составов, таких как умышленное причинение вреда здоровью или убийство.

Разрешение указанных проблемных вопросов требует дальнейшего совершенствования как уголовного законодательства, так и правоприменительной практики, в том числе путем внесения разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, с учетом постоянно меняющихся реалий и способов совершения данного опасного преступления.

Объективная сторона преступления эволюционирует, включая в себя современные способы, такие как цифровой обман для заманивания жертвы, применение химических веществ и использование служебного положения. Эти способы не отменяют классической триады «захват-перемещение-удержание», но требуют от правоприменителя гибкого подхода к оценке момента окончания преступления и характера применяемого насилия.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом по отношению к лишению свободы. Ключевой проблемой квалификации является разграничение умысла и неосторожности при причинении тяжких последствий. Состав, предусмотренный ч. 3 ст. 126 УК РФ, является материальным и предполагает двойную форму вины, что позволяет отграничивать его от смежных составов, таких как умышленное причинение вреда здоровью или убийство.

Разрешение указанных проблемных вопросов требует дальнейшего совершенствования как уголовного законодательства, так и правоприменительной практики, в том числе путем внесения разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, с учетом постоянно меняющихся реалий и способов совершения данного опасного преступления.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] *Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога*. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2021. – С. 45.
- [3] *Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть*. – М.:

Волтерс Клувер, 2020. – С. 112.

[4] Бородин С.В. Преступления против жизни и здоровья: квалификация и наказание по российскому уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2019. – С. 78.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 2.

[6] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – С. 90.

[7] Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2021. – С. 134.

[8] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – С. 201.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook / Ed. by A.I. Rarog. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Eksmo, 2021. – P. 45.

[3] Naumov A.V. Russian Criminal Law. Lecture Course: in 3 volumes. Vol. 2: Special Part. – Moscow: Wolters Kluwer, 2020. – P. 112.

[4] Borodin S.V. Crimes against Life and Health: Qualification and Punishment under Russian Criminal Law. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2019. – P. 78.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.2019 No. 58 «On judicial practice in cases of kidnapping, illegal deprivation of liberty, and human trafficking» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – No. 2.

[6] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / Ed. V.M. Lebedev. – 21st ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait, 2022. – P. 90.

[7] Inogamova-Khegay L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part: textbook. – 2nd ed., revised and enlarged. – M.: CONTRACT, INFRA-M, 2021. – P. 134.

[8] Criminal Law of the Russian Federation. Special Part: Textbook / Ed. by A.V. Brilliantov. – 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Prospect, 2023. – P. 201.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СЕМЕНЮК Ксения Алексеевна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется система процессуальных гарантий, предоставляемых лицам с психическими расстройствами, вовлекаемым в сферу уголовного судопроизводства. Актуальность темы обусловлена отсутствием легальной дефиниции понятия «психический недостаток» и неопределенностью критериев оценки способности указанных лиц самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Автором анализируются доктринальные подходы к определению уголовно-процессуальной дееспособности, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, а также правоприменительная практика реализации прав лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости. Обосновывается вывод о необходимости введения категории «неполная процессуальная дееспособность» и расширения оснований для обязательного участия законного представителя.

Ключевые слова: психические недостатки, процессуальные гарантии, право на защиту, уголовно-процессуальная дееспособность, законный представитель, обязательное участие защитника.

SEMENUK Ksenia Alekseevna,
student, Crimean branch of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«V.M. Lebedev Russian State University of Printing Arts»
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law
Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«V.M. Lebedev Russian State University of Printing Arts»
Simferopol, Russia

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines the system of procedural guarantees provided to persons with mental

disorders involved in the sphere of criminal proceedings. The relevance of the topic is due to the absence of a legal definition of the concept of «mental deficiency» and the uncertainty of criteria for assessing the ability of these persons to independently exercise their right to defense. The author analyzes doctrinal approaches to the definition of criminal procedural capacity, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as law enforcement practice regarding the realization of rights by persons suffering from mental disorders that do not exclude sanity. The conclusion about the necessity of introducing the category of «incomplete procedural capacity» and expanding the grounds for mandatory participation of a legal representative is substantiated.

Key words: *mental deficiencies, procedural guarantees, right to defense, criminal procedural capacity, legal representative, mandatory participation of defense counsel.*

Обеспечение прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, выступает одним из индикаторов качества уголовного судопроизводства и степени реализации конституционного принципа охраны достоинства личности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в пункте 3 части 1 статьи 51 устанавливает обязательное участие защитника в случае, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту [1]. Однако, как справедливо отмечает Н.А. Туктарова, законодатель, используя в диспозициях отдельных статей термины «физический» или «психический недостаток», не считая необходимым дать толкование данных понятий в статье 5 УПК РФ, что порождает существенные сложности в правоприменительной практике [2]. Отсутствие легальной дефиниции приводит к тому, что решение вопроса о наличии у лица психического недостатка и, как следствие, о необходимости обеспечения дополнительных процессуальных гарантий, ставится в зависимость от субъективного усмотрения следователя, что вряд ли можно признать удовлетворительным с позиции обеспечения прав участников процесса.

Полагаю, что подобная законодательная неопределенность имеет более глубокие корни, нежели обычный пробел в терминологии. По существу, речь идет о смешении двух самостоятельных правовых институтов: института невменяемости, влекущего освобождение от уголовной ответственности и применение принудительных мер медицинского характера, и института уголовно-процессуальной дееспособности лица, сохраняющего вменяемость, но испытывающего затруднения в самостоятельной реализации процессуальных прав. Н.А. Туктарова обоснованно указывает, что уголовно-процессуальная недееспособность обвиняемых должна определяться совокупностью двух критериев: медицинского, отражающего бо-

лезненный, патологический характер имеющихся нарушений психики, и юридического, указывающего на их соответствующую глубину и структуру, при которых нарушается способность к самостоятельной реализации процессуальных прав. Разделяя данный подход, подчеркну, что ключевое значение имеет именно юридический критерий, позволяющий отграничить лиц, объективно нуждающихся в повышенной процессуальной защите, от тех, чье психическое состояние хотя и имеет отдельные отклонения, не препятствует самостоятельному осуществлению права на защиту.

Анализ уголовно-процессуального законодательства в его системном единстве с Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» позволяет выявить существенный дисбаланс в правовом регулировании. Статья 5 названного Закона провозглашает, что лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, а ограничение этих прав допустимо лишь в случаях, прямо предусмотренных законами [3]. Однако, как свидетельствует правоприменительная практика, отсутствие четких критериев оценки способности лица самостоятельно осуществлять процессуальные права приводит к тому, что следователи и суды зачастую либо вовсе игнорируют наличие у обвиняемого психических недостатков, либо, напротив, автоматически лишают такое лицо процессуальной дееспособности без надлежащей проверки его реального состояния.

Принципиальное значение для понимания сущности и пределов процессуальных гарантий лиц с психическими расстройствами имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 года, которым были признаны не соответствующими Конституции РФ положения главы 51 УПК РФ в той мере, в какой они – по смыслу, придаваемому им сложившейся

правоприменительной практикой, – не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права [4]. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый, по существу уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, а потому ему должны обеспечиваться равные процессуальные права. Особо значимым, на мой взгляд, является вывод Суда о том, что отсутствие в законе основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования не соответствует международным обязательствам Российской Федерации и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений.

Разделяя правовую позицию Конституционного Суда РФ, полагаю необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Сформулированный в указанном Постановлении подход, безусловно, является важным шагом в направлении гуманизации уголовного судопроизводства, однако он адресован, главным образом, лицам, признанным невменяемыми. Между тем гораздо более многочисленную и при этом менее защищенную категорию составляют лица, страдающие психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости. Именно в отношении них отсутствие легальных критериев оценки процессуальной дееспособности проявляется наиболее остро.

Д.Н. Рудов и Е.А. Черкасова, анализируя правоприменительную практику, приходят к выводу, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, обязывающих представителей правоохранительных органов повторно рассмотреть вопрос о правоспособности лица после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы, вследствие чего рассматриваемый участник уголовного процесса ущемляется в реализации своих прав на неопределенный промежуток времени [5]. Авторы обоснованно указывают на необходимость закрепления правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в отдельной статье УПК РФ, предлагая дополнить кодекс статьей 47.1 «Лицо, в отношении которого применяются принудительные меры

медицинского характера». Позволю себе поддержать данную инициативу, однако замечу, что она решает проблему лишь применительно к лицам, признанным невменяемыми. Вопрос о процессуальном статусе вменяемых обвиняемых, имеющих психические аномалии, остается открытым.

Представляется, что концептуальной основой для совершенствования законодательства в данной сфере может стать категория «неполная процессуальная дееспособность», обоснованная в трудах Т.А. Мурышкиной. Автор справедливо отмечает, что обвиняемые с психическими недостатками являются вменяемыми лицами, в противном случае ставился бы вопрос об их невменяемости и, следовательно, о недееспособности. Недостатки психического характера, имеющиеся у обвиняемого, не лишают его процессуальной дееспособности, они лишь осложняют, затрудняют реализацию им своих процессуальных прав, прежде всего права на защиту, не позволяя защищаться качественно и полноценно [6]. Поскольку процессуальная дееспособность таких обвиняемых законодательно не ограничена, мы не можем применить термин «ограниченная процессуальная дееспособность», однако совершенно очевидно, что указанные лица не могут считаться полностью дееспособными. Именно поэтому, как полагает Т.А. Мурышкина, наиболее правильным будет говорить о неполной процессуальной дееспособности лиц, страдающих психическими недостатками, а закрепление такой категории в УПК РФ было бы целесообразным и правомерным.

Разделяя приведенную позицию, полагаю необходимым подчеркнуть ее принципиальное отличие от ранее высказывавшихся в литературе подходов. Речь идет не о создании особого, «усеченного» правового статуса, а напротив, о конструировании дополнительного процессуального механизма, позволяющего компенсировать имеющиеся у лица ограничения и обеспечить ему реальную, а не формальную возможность осуществлять принадлежащие ему права. В этом смысле категория «неполная процессуальная дееспособность» выполняет гарантийную, а не ограничительную функцию.

Особого внимания в контексте рассматриваемой проблематики заслуживает вопрос об участии законного представителя лица с психическими недостатками. Н.А. Туктарова обращает внимание на то, что закон не требует от следователя назначения экспертизы для решения вопроса об установлении психического недостатка, полагаясь на его

компетенцию, что впоследствии позволяет защите привлекать психиатра в качестве специалиста для доказывания имевших место отступлений от процессуальных норм.

Т.А. Мурышкина, исследуя данный вопрос, приходит к обоснованному выводу, что без участия законного представителя обвиняемый с неполной процессуальной дееспособностью не может быть уравнен в своих возможностях по использованию процессуальных прав по сравнению с другими обвиняемыми. Декларативное предоставление равных прав и возможностей не имеет смысла, если отсутствуют гарантии их обеспечения, обязывающие правомочные органы предоставить лицу с неполной процессуальной дееспособностью возможности эффективно пользоваться своими правами. Автор обращает внимание на несогласованность уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: если в гражданском процессе законные представители являются средством восполнения процессуальной дееспособности лиц, страдающих психическими недостатками, и активно участвуют в процессе, то в уголовном судопроизводстве следственные органы не только не приветствуют участие близких родственников таких лиц на предварительном следствии, но и препятствуют такому участию, ссылаясь на отсутствие их процессуального статуса.

Приведенные данные правоприменительной практики, на которую ссылается Т.А. Мурышкина, свидетельствуют, что на предварительном следствии по всем уголовным делам с участием лиц, страдающих психическими недостатками, в качестве защитников выступали исключительно адвокаты, а законные представители в качестве субъекта, восполняющего процессуальную дееспособность обвиняемого, участия не принимали. Полагаю, что подобная ситуация не может быть признана удовлетворительной. Адвокат, при всей значимости его процессуальной фигуры, не способен в полной мере восполнить отсутствие законного представителя, поскольку, во-первых, он лишен возможности принимать значимые для дела решения без волеизъявления самого обвиняемого,

а во-вторых, его коммуникация с подзащитным, страдающим психическим расстройством, может быть существенно затруднена. Законный представитель, напротив, обладает знанием особенностей личности представляемого, возможностью более эффективного взаимодействия с ним и, что особенно важно, личной заинтересованностью в благоприятном исходе дела.

Обобщая изложенное, полагаю возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, отсутствие легальной дефиниции понятия «психический недостаток» и единых критериев оценки способности лица самостоятельно осуществлять свои процессуальные права является существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства, негативно влияющим на качество реализации права на защиту указанной категорией участников процесса. Во-вторых, категория «неполная процессуальная дееспособность», предложенная Т.А. Мурышкиной, должна получить законодательное закрепление как самостоятельный правовой институт, позволяющий дифференцированно подходить к определению объема процессуальных прав лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости. В-третьих, необходимо нормативно закрепить обязательное участие законного представителя лица, страдающего психическим расстройством, на всех стадиях уголовного судопроизводства с момента выявления у него соответствующих недостатков, определив процессуальный статус такого представителя и круг его полномочий. Н.А. Туктаровой справедливо отмечается, что понятие психического недостатка необходимо ввести в статью 5 УПК РФ в следующей редакции: «Под психическими недостатками следует понимать все расстройства психической деятельности, влекущие личностные изменения, которые могут иметь криминогенное значение, а также проявляться в поведении лица в конкретной ситуации». Разделяя данное предложение, полагаю, что именно такой подход позволит преодолеть существующую неопределенность и обеспечить действенность процессуальных гарантий для лиц с психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[2] Туктарова Н. А. Процессуальные гарантии защиты прав лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 144-146.

[3] Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (ч. II). Ст. 6030.

[5] Рудов Д. Н., Черкасова Е. А. Уголовно-процессуальные аспекты производства в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 2. С. 39-43.

[6] Мурышкина Т. А. Некоторые вопросы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 159-161.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

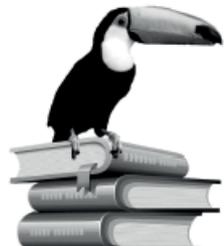
[2] Tuktarova N.A. Procedural Guarantees for the Protection of the Rights of Persons with Physical or Mental Disabilities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 1. Pp. 144-146.

[3] Law of the Russian Federation of 02.07.1992 No. 3185-1 (as amended on 22.07.2024) «On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in Its Provision» // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. No. 33. Art. 1913.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.11.2007 No. 13-P «On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of Articles 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 and 445 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S.G. Ablamsky, O.B. Lobashova and V.K. Matveyev» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 48 (Part II). Art. 6030.

[5] Rudov D.N., Cherkasova E.A. Criminal Procedure Aspects of Proceedings in Relation to Persons Suffering from Mental Illnesses // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2021. No. 2. Pp. 39-43.

[6] Muryshkina T. A. Some issues of participation of accused with mental disabilities in criminal procedural activities // Bulletin of Tomsk State University. 2007. No. 300-1. Pp. 159-161.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-69-76

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.01.2026 г.

КОНДРАТОВА Надежда Николаевна,
кандидат педагогических наук,
e-mail: irmish@mail.ru

МИШУТКИНА Ирина Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной лингвистики и теории языка,
Институт филологии и искусств,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»,
e-mail: irmish@mail.ru

СВИСТУНОВА Наталия Иннокентьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной лингвистики и теории языка,
Институт филологии и искусств,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»,
e-mail: nata.swi@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБРЯДАХ ШАМАНОВ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В условиях все большего возвращения к культурным истокам, национальным ценностям и традициям проявляется также интерес и к музыкальному наследию предков. В этой связи неслучайно обращение к такой древней музыкальной форме как камлание шамана. Шаманизм, как ранняя форма религии, был распространен на территориях Сибири и Северной Европы. Этот факт примечателен тем, что данные регионы значительно удалены друг от друга не только географически, но и этнокультурно. В центре внимания статьи – сопоставление музыкальной составляющей камланий сибирских и скандинавских шаманов по трем аспектам: количество звуков в произведении, использование шаманского инструментария, интонационная драматургия. В каждом из аспектов исследования найдены параллели и отличия. Сходства отражают универсальность подходов видения и познания мира на ранней ступени развития человека. Различия объясняются этнокультурной спецификой.

Ключевые слова: шаман, камлание, музыка, культура, Сибирь, Северная Европа.

KONDRATOVA Nadezhda Nikolaevna,
Candidate of Pedagogical Sciences

MISHUTKINA Irina Igorevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Linguistics and Language Theory,
Institute of Philology and Arts,
Kakass State University named after N.F. Katanov

SVISTUNOVA Natalia Innokentyevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Linguistics and Language Theory,
Institute of Philology and Arts,

MUSICAL PARALLELS IN THE RITUALS OF SHAMANS OF SIBERIA AND NORTHERN EUROPE

Annotation. *The increasing return to cultural roots, national values and traditions, causes an interest in the musical heritage of ancestors. In this connection, it is not accidental to refer to such an ancient musical form as a shaman's ritual (the authentic word for it is "kamlanie"). Shamanism, as an early form of religion, was widespread in the territories of Siberia and Northern Europe. This fact is remarkable because these regions are significantly distant from each other not only geographically, but also ethno-culturally. The focus of the article is a comparison of the musical component of Siberian and Scandinavian shamans' rituals in three aspects: the number of sounds in the piece, the use of shamanic instruments, and intonation dramaturgy. The study uses archival documents, descriptions of rituals of Siberian shamans, and works by contemporary composers of Khakassia, Tyva and Norway. Parallels and differences are found in each aspect of the study. Similarities reflect the universality of approaches to seeing and knowing the world at the early stage of human development. Differences are explained by ethno-cultural specifics.*

Key words: *shaman, shamanistic ritual (kamlanie), music, culture, Siberia, Northern Europe.*

Введение

Современные тенденции общественного развития характеризуются стремлением к сохранению значимости культур разных народов и ориентированностью на целенаправленное изучение специфики разных национальных культур в музыкальном воплощении их традиций. При условии бережного отношения к традициям, фольклор, как составная часть духовной культуры, становится неким объединяющим началом, основой образности и тематизма новых музыкальных произведений, которые в свою очередь, обогащают национальные культуры. Изучение национальной музыки, на наш взгляд, базируется на рассмотрении ее интонационно-импровизационной сущности. Это позволяет анализировать специфические особенности любой культуры (хакасской, якутской, тувинской или народов Северной Европы) в едином процессе развития, от прошлого к настоящему.

Одной из древних музыкальных форм является камлание шамана. Шаман признавался главной фигурой в древнем обществе, избранником духов как для служения им, так и для защиты соплеменников. Шаман был посредником между людьми, добрыми духами Верхнего (светлого) мира и злыми духами Нижнего (темного) мира. Сам шаманизм является одной из самых ранних форм религии.

Шаманизм находится в центре научного внимания не так давно, но немалое количество работ по данной теме свидетельствует об ее актуальности. Изучение сибирских шаманов, в частности, хакасских и тувинских, началось с этнографиче-

ских экспедиций Н.Ф. Катанова [6], во время которых он собирал как языковой материал, так и сведения о костюме и других атрибутах ритуала камлания. На современном этапе изучение данной темы продолжил В.Я. Бутанаев, специалист в области этнографии и тюркологии [4, с. 15]. Он выделил три категории шаманов: сильные, великие («пудгуров»), средние, небольшие («пулгосы») и низшие («чаланчики»).

Именно с музыкальной точки зрения на шаманский ритуал обратил внимание А.А. Кенель в исследовании «Музыка хакасов». В заклинаниях хакасских шаманов, зафиксированных им во время первой фольклорной экспедиции Хакасского научно-исследовательского института, внимание акцентируется на внемusicalном вскрике «Гей!» или «Ох!». Этот вскрик заканчивается долгим, свободным, вибрирующим звуком [7, с. 96]. В современной музыковедческой науке можно отметить нарастание интереса к «музыке» шаманов [5; 8].

Религия шаманизма была распространена не только у народов Сибири, но и на территории германо-скандинавских народов. Их изучение началось с работ Цезаря «О галльской войне» [11] и Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» [10]. Уже при первоначальном ознакомлении с этими культурами можно заметить, что в них сохранилось много общего в плане роли шамана и целенаправленности его деятельности. «В германо-скандинавской традиции есть четкие следы и элементы шаманских практик в мифах об Одине», - так говорит верховный шаман Тывы Кара-оол Допчун-оол [9]. В данной свя-

зи определенный интерес представляют интерес представляют культурные параллели не только самого ритуала, но именно его музыкальной составляющей.

Цель и задачи

Цель предлагаемой работы – сопоставление музыки сибирских и скандинавских шаманов, поиск в ней сходных и отличительных черт.

Исходя из поставленной цели в работе решались следующие задачи:

- проанализировать звуковысотную организацию (количество звуков, структуру напева) шаманских заклинаний Сибири и Северной Европы на основе архивных материалов, нарративных источников и современных музыкальных реконструкций;

- провести сопоставительный анализ функций и музыкально-акустических возможностей основного шаманского инструментария (бубна) в обеих традициях;

- выявить особенности интонационной драматургии шаманского обряда как целостного действия и рассмотреть способы ее воплощения в творчестве современных композиторов и этно-музыкантов Сибири и Норвегии;

- определить факторы (универсальные и этнокультурные), обусловившие выявленные параллели и различия в музыкальном оформлении камланий.

Методы

Для исследования музыкальных произведений хакасских шаманов авторы статьи воспользовались нарративными источниками, представленными сочинениями известных ученых, этнографов, путешественников В.К. Арсеньева Н.Ф. Катанова, В.Я. Бутанаева и др. и музыкальными произведениями сибирских композиторов А. Токмашова, О. Алахтаевой. Д. Хуреш-оола.

В отличие от культуры народов Сибири, в которой сохранились действующие шаманы, проводящие обряды в случае важных событий, традиции скандинавского шаманизма полузабыты и практически утрачены. Они оказались вытеснены монотеистическими религиями. Судить о музыке скандинавских шаманов можно только, опираясь на творчество групп, занимающихся северным ритуальным фолком, т.е. по сути дела, по реконструкциям шаманской музыки. К таковым можно отнести шведскую группу *Leidungr* и норвежские группы *Transjoik* и *Wardruna*.

Основная часть

Традиции шаманизма Сибири и Северной Европы имеют как несомненные сходства, так и существенные отличия. Основное сходство заключается в том, что камлания шаманов представляют собой магические действия с произнесением особых заклинаний и целенаправленным введением себя в изменённое состояние транса для взаимодействия с миром духов. Обряд камлания, таким образом, представляет собой особое синкретическое жанровое образование, целое драматическое действие, часто длящееся более пяти часов, в котором, как в любом древнем искусстве, в нерасчленённом единстве переплетены драматическая декламация, пение, игра на бубне и элементы пляски.

Отличие же касается такой сущностной характеристики скандинавских шаманов, как руны.

Так называемые рунические шаманы северных народов обладали знаниями символов, начертанных на камнях, которые, согласно преданиям, «были открыты» первому шаману – Одину и распространены в тевтонских племенах Северной Европы. С позиций рунических шаманов Один представлялся неким абсолютом, уравнивающим начала добра и зла одновременно. Именно Один передал шаманам умения «читать» руны и понимать содержащиеся в них тайные знания загробного мира. Это было основой отношения скандинаво-германских народов к рунам как к проявлению божественного дара. Скандинавские шаманы не только активно пользовались рунами, но и наносили их на свои бубны, на одежду.

В отличие от камланий сибирских шаманов, рунические шаманы, погружаясь в состояние транса, общаются не только с духами, но и с богами.

Кроме того, шаманский обряд у народов Сибири имел ярко выраженный характер театральности: в процессе камлания использовались подражания голосам птиц и животных, создавая целые сцены разговора с духами, шаман выбегал из юрты, зажигал богородскую траву и т.д. Очень подробно описывает обряд шаманского камлания В. Я. Бутанаев [4, с.115-127], а также Н.Ф. Катанов в Отчете о поездке в Минусинский округ Енисейской губернии в 1896 году: «Если свистит огонь, то мы бросаем в огонь сала, кланяемся огню, приговаривая: «О, огонь, ты – наша мать, имеющая тридцать зубов, ты – наша теща, имеющая сорок языков». Свист огня обозначает для нас прибытие

духа». В данном случае приведено сообщение одного из шаманов о собственном камлании [6, с. 74].

Сравнение музыки сибирских и скандинавских шаманов проведем в нескольких аспектах.

1. Количество нот.

Анализу «музыкальной части» камланий ха-

касских шаманов обращает внимание исследователей на то, что в заклинаниях фактически нет мелодий (в современном понимании). Пение напоминает лишь слегка интонируемый музыкальный эмбрион из трёх – четырёх рядом стоящих нот. Ниже приведен один из примеров шаманских заклинаний [5]:

Рисунок 1.

Заметим, что мелодии тувинских, якутских шаманов включают некоторое импровизационное развитие (до 10 нот), и их уже нельзя отнести к «музыкальным эмбрионам».

Музыкальные примеры шаманских заклинаний Северной Европы свидетельствуют, что и в этой культуре существовали заклинания обоих типов, как короткие (из 3 – 4 нот), так и ёмкие, им-

провизационно развёрнутые. На их основе в наше время создаются целые произведения. Например, произведение Lyfjaberg (Healing-mountain) в исполнении группы Wardruna, созданное на основе всего лишь одного мотива из трёх-четырёх рядом стоящих нот и на основе одной ритмо-формулы [13].

Рисунок 2.

В отношении музыкально-специфических особенностей произведения можно отметить, что основной мотив повторяется 36 раз и, взаимодействуя с другими приемами развития (аккордовым усложнением фактуры, контрастной динамикой, динамическим усилением напряжения и др.), приводит к своему четырёхкратному кульминационному звучанию, охватывая весь диапазон звучания.

2. Использование инструмента.

Пение шамана в процессе камлания обяза-

тельно сопровождалось игрой на бубне. Удары по бубну отличаются богатым разнообразием: от слабых, плавных, скользящих, сменяющихся отрывистыми, резкими, сильными, переходящими в удары типа tremolo. Удары варьируются не только в связи с изменениями ритма, но и в связи с изменениями приёмов их нанесения (по центру бубна, по его краям, по ободку). Разнообразие силы звука ударов вызывает небольшие колебания по высоте и тембру. Но главное, на наш взгляд, отражено в исследовании В. Я. Бутанаева: «Бубен являлся не

только инструментом, создающим музыкальный ритм, сопровождающий камлания. В нём сосредоточивались силы духов, он заменял собою переносной алтарь, в него вбивалась «хут» - жизненная сила человека» [4, с. 86].

Бубен для скандинавского шамана – инструмент перемещения в другой мир. Под звуки бубна душа шамана настраивалась на общение с духами и покидала тело [2]. Состояние души шамана, покинувшей тело, в старину называли - «gand», что означало «тень».

3. Интонационная драматургия.

Анализ подробного описания этого обряда в «Сочинениях» В. К. Арсеньева выявляет необычайно своеобразную интонационную драматургию обряда: сначала шаман «чуть слышно тянул ноту за нотой, не раскрывая рта. Постепенно он усиливал свой голос и призывал к себе духа..., помогавшего ему при камлании. Пение его было печальное и монотонное. Понемногу он оживал и переминался с ноги на ногу. К голосу шамана присоединился металлический шорох, издаваемый позвонками. Иногда он вздрагивал, подымался на носки и припадал на колени. Выражение лица его было весьма напряженное. Он говорил несвязные слова, упрасивал и умолял своего духа помочь ему... Как будто он имел успех, потому что голос его стал более уверенным и более ровным. Минут тридцать... находился в состоянии такого транса. Постепенно он снижал тон, пение его сделалось медленным и перешло в несвязное бормотание. Он стал тянуть одну – две ноты, не раскрывая губ, постепенно стихая, и всё закончил глубоким вздохом...» [1, с. 88].

Рассмотрим этот обряд в музыкальном воплощении на примере произведения тувинского композитора Дамба Хуреш-оола «Танец шамана».

Гулкие кластеры субконтроктавы начальных тактов создают мрачную, напряжённую атмосферу. Их многократные повторения, имитирующие удары по бубну, звучащие очень сосредоточенно и устрашающе, с постепенным динамическим усилением, заставляют испытывать тревогу и нарастание напряжения. Появление темы заклинания шамана (такт 22), построенной на начальных властных кварто-квинтовых интонациях и последующим типичным «музыкальным эмбрионом» из четырёх рядом стоящих нот, звучит гордо, уверенно и заканчивается долгим, как будто вибрирующим звуком.

Магическое действие вызова и прибытия духов воплощается с помощью введения стонущих и свистящих хроматических мотивов, скоро превращающихся в единый свистящий яростный пассаж (вспомним «Свист огня обозначает для нас

прибытие духа»). Дойдя до своего пика, он буквально сливается с темой заклинания шамана, заканчиваясь длительным, вибрирующим в субконтраве, кластером.

Следующий раздел *Rubato* (*improvisato*) буквально устрашает и гипнотизирует, создавая картину камлания шамана, вошедшего в состояние транса и общения с непостижимым миром духов. Этому способствуют: свободное, неторопливое движение, гулкий басовый тембр, изменчивый ритм. В нотном тексте отсутствуют тактовые черты, отдельные мрачные мотивы импровизационно чередуются с паузами и сменяются диссонансирующими гармоническими созвучиями, приближёнными к атональности. Постепенно движение оживляется, ускоряется темп, усиливается динамика, и с появлением темы заклинания автор задействует весь диапазон рояля. Исследователи считают «наличие техники экстаза обязательным условием для шаманских камланий» [4, с. 127]. К основным приемам музыкального воплощения кульминационной сцены мы относим: суровые, хлесткие басовые интонации, динамическое усиление, акцентирование каждого кластера, репетиционное повторение аккордового изложения главного мотива в сочетании с темповым ускорением и мощностью усиления напряжения.

Подобная интонационная драматургия свойственна и другим сочинениям сибирских композиторов: произведению якутского композитора Захара Степанова «Картина прошлого. Ритуальный танец шамана», хакасских композиторов Анатолия Токмашова «Шаман» и Оксаны Алахтаевой «Танец шамана».

Что касается северных шаманов, то их песнопения являлись полезной техникой для магии сейда – древнескандинавского колдовства. Они состояли из песен и напевов и представляли по сути «выпевание» звука рун. Каждая руна имеет свою частоту вибрации, свою тональность. Современные последователи скандинавского шаманизма отмечают, что «руны Турисаз и Хагалаз звучат угрожающе и мрачно... Нигуз же обладает более легким звучанием и высоки тоном, и в ней чувствуется что-то эльфийское» [2, с. 271]. Поскольку традиция песнопений скандинавских шаманов утрачена, и песнопения не дошли до наших дней, современные адепты северного шаманизма реконструируют их самостоятельно, опираясь на собственные ощущения и анализируя действенность ритуалов, сопровождаемых данными песнопениями.

Стремление запечатлеть в музыке идеи и традиции древности проникают и в творчество современных музыкантов. Эйнар Селвик и его

музыкальная группа Wardruna, включающая вокалистов и исполнителей на старинных музыкальных инструментах, исполняют песни, основанные на наборах рун, и музыку, близкую к шаманским заклинаниям. Э. Селвик в своём интервью пояснил: «...когда я начинал проект Wardruna, я изучил все руны и то, как действительно нужно учиться подобным вещам...» и «...для меня Wardruna – это способ наделять голосом некоторые мысли и идеи древней Норвегии, национальные традиции...» [12].

Анализ произведения Эйнара Селвика «Helvegen» позволяет охарактеризовать его как пример драматургии вполне законченного шаманского обряда (с угасанием) в отличие от произведений сибирских композиторов, заканчивающих свои произведения на экстатических кульминациях.

Всё начинается семнадцатью глухими ударами по бубну. Далее на этом фоне звучит суровый, мрачный, одноголосный мотив – основа произведения. Пьеса построена на постоянном изменении (учащении) ритма, который во взаимодействии с динамическим усилением и присоединением старинных народных музыкальных инструментов, создаёт ощущение неотвратимого приближения грозной силы. В итоге возникает жуткий эффект устрашающего кинематографического приёма приближения сурового кадра. После поистине грандиозного звучания мотива – заклинания звук постепенно уменьшается, истает, и вновь, как в начале произведения, остаются только глухие, гулкие удары бубна...

На наш взгляд, это произведение настолько ярко воплощает обряд шаманского камлания, что образ становится не только слышим, но и видим. Следует добавить, что на вопрос интервьюера: «Ты чувствуешь себя на сцене шаманом?» Э. Селвик ответил: «Да... Это больше, чем просто музыка... Для меня это – как создавать священное пространство» [12].

Результаты

В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа музыкального компонента шаманских обрядов Сибири и Северной Европы были сделаны следующие выводы.

1. В области звукооряда установлено, что для обеих традиций характерен архаический пласт узкообъемных напевов (т.н. «музыкальных эмбрионов» из 3-4 нот), что свидетельствует о едином типологическом этапе развития музыкального мышления. При этом в сибирской традиции (тувинской, якутской) зафиксировано большее интонационное развитие и импровизационность (до 10 нот), в то время как в скандинавской традиции,

судя по реконструкциям, архаическая формульность сохраняется как базовая основа.

2. Выявлено функциональное тождество бубна: в обеих культурах он является не просто ритмическим аккомпанирующим инструментом, а сакральным предметом, «алтарем» и «средством передвижения» души шамана в иные миры. Музыкально-выразительные приемы игры (от пианиссимо до тремоло, удары по центру/краю) также универсальны и направлены на создание гипнотического эффекта и иллюстрацию путешествия.

3. В области интонационной драматургии обнаружено как сходство, так и национальное своеобразие.

Сходство проявляется в общей трехфазной модели обряда: подготовка-призыв (нагнетание) — кульминация-транс (экстатическое общение с духами) — возвращение (снижение напряжения).

Различия касаются кульминационных зон и кода. Сибирская модель (в сочинениях Д. Хуреш-оола, З. Степанова) тяготеет к завершению на яркой, экстатической кульминации, воплощающей силу шамана. Скандинавская модель (на примере группы Wardruna) демонстрирует циклический возврат к исходному состоянию покоя/опустошения (угасание звука до одиночных ударов бубна), что может быть связано с влиянием рунической магии и идеей «отзвука» сакрального знания.

Заключение

Таким образом, практический анализ музыкальной части шаманских заклинаний в Сибири и Северной Европе, использования ими культового инструментария указывает на то, что в совершенно разных культурах, даже в самых ранних формах, содержится много общего в отношении художественной образности, интонационной, ритмической и фактурной многоплановости, а также в использовании музыкально-выразительных средств воплощения художественного замысла. Обнаруженные музыкальные параллели (узкий объем звукооряда, ключевая роль бубна, сходная драматургия погружения) отражают универсальность древних способов взаимодействия с миром через звук. Выявленные различия (роль рун, степень театрализации, характер кульминации) обусловлены этнокультурной спецификой и различными путями исторического развития (прерывность/непрерывность шаманской традиции). Тем самым подтвержден тезис о единстве путей познания мира на ранних этапах развития человечества и вариативности его национального воплощения.

Многоаспектное исследование общего и специфического в разных культурах постепенно подводит к пониманию народного творчества, спо-

способствует формированию позитивного отношения к духовным ценностям любой культуры. В исследовании «Смысл истории» Н. А. Бердяев писал: «В нашу эпоху нет более острой темы и для позна-

ния, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации... Это – тема об ожидающей нас судьбе. А ничто не волнует так человека, как судьба его» [3].

Список литературы:

- [1] Арсеньев В.К. Сочинения в 6-и томах / В.К. Арсеньев. – Владивосток: Примиздат, 1947.
- [2] Асвинн Ф. Руны и сила женщины. Тайны северных мистерий [Текст] / Ф. Асвинн. – Москва: Эксмо, 2023. – 400 с.
- [3] Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1990. – 176 с.
- [4] Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая / В. Я. Бутанаев. – Абакан: изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 254 с.
- [5] Жолобова Е.В., Кондратова Н.Н. Сохранение традиций хакасской национальной культуры в творчестве Оксаны Алахтаевой / Е.В. Жолобова, Н.Н. Кондратова // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования. – Новосибирск, 2012. – С.13-18.
- [6] Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке в Минусинский округ Енисейской губернии в 1896 году. – Казань, 1897. – 104 с.
- [7] Кенель А. А. Музыка хакасов / А. А. Кенель // Хакасский НИИЯЛИ, фонд № 171. – Абакан, 1946. – 117 с.
- [8] Кондратова Н.Н., Крупин Д.Н. История развития музыкальной культуры Хакасии (ее взаимодействие и взаимообогащение с русской музыкальной культурой) / Н.Н. Кондратова, Д.Н. Крупин. – Абакан, 2000. – 144 с.
- [9] Мельников А. Шаманы Сибири хотят объединиться с русскими родноверами. / А.Мельников. // URL: https://www.ng.ru/faith/2021-08-08/2_8219_relig.html (дата обращения: 19.02.2026)
- [10] Тацит П.К. О происхождении германцев и местоположении Германии / П.К. Тацит // Сочинения в 2-х томах. – Ленинград: Наука, 1969. – С. 353-373.
- [11] Цезарь Г.Ю. Записки о Галльской войне / Г.Ю. Цезарь. – Москва: Рипол Классик, 2016. – 416 с.
- [12] Alias. Эксклюзивное интервью для DARKSIDE.RU 09.10.2018 «Wardruna: Боги помогают тем, кто помогает себе сам» URL: <https://www.darkside.ru/interviews/682/?ysclid=153iuyk8gb828911424> (дата посещения: 08.07. 2023).
- [13] Musescore // URL: <https://musescore.com/user/35371156/scores/6724402> (дата посещения: 08.07. 2023).

References:

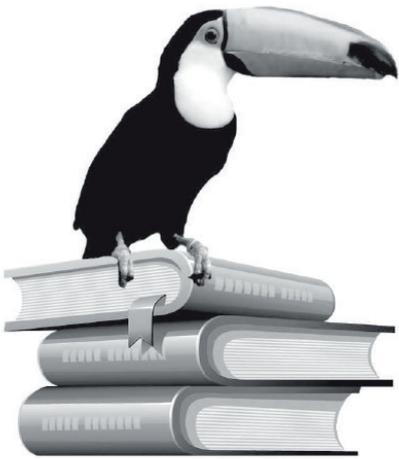
- [1] Arsenyev V.K. Works in 6 Volumes / V.K. Arsenyev. - Vladivostok: Primizdat, 1947.
- [2] Asvinn F. Runes and the Power of Women. Secrets of the Northern Mysteries [Text] / F. Asvinn. - Moscow: Eksmo, 2023. - 400 p.
- [3] Berdyayev N.A. The Meaning of History / N.A. Berdyayev. - Moscow: ZAO Svarog i K, 1990. - 176 p.
- [4] Butanaev V. Ya. Traditional Shamanism of Khongorai / V. Ya. Butanaev. - Abakan: Publishing House of the Khakass State University named after N.F. Katanov, 2006. - 254 p.
- [5] Zholobova E.V., Kondratova N.N. Preservation of the traditions of Khakass national culture in the works of Oksana Alakhtaeva / E.V. Zholobova, N.N. Kondratova // Scientific community of students: Interdisciplinary research. - Novosibirsk, 2012. - Pp. 13-18.
- [6] Katanov N.F. Report on a trip to the Minusinsk district of the Yenisei province in 1896. - Kazan, 1897. - 104 p.
- [7] Kenel A.A. Music of the Khakass / A.A. Kenel // Khakass Research Institute of Yali, Collection No. 171. - Abakan, 1946. - 117 p.
- [8] Kondratova N.N., Krupin D.N. History of the Development of the Musical Culture of Khakassia (its Interaction and Mutual Enrichment with Russian Musical Culture) / N. N. Kondratova, D. N. Krupin. – Abakan, 2000. – 144 p.
- [9] Melnikov A. Shamans of Siberia Want to Unite with Russian Rodnovers. / A. Melnikov. // URL: https://www.ng.ru/faith/2021-08-08/2_8219_relig.html (date of access: 19.02.2026)

[10] Tacitus P. K. *On the Origin of the Germans and the Location of Germany* / P. K. Tacitus // *Works in 2 volumes.* – Leningrad: Nauka, 1969. – Pp. 353-373.

[11] Caesar G. Yu. *Notes on the Gallic War* / G. Yu. Caesar. – Moscow: Ripol Classic, 2016. – 416 p.

[12] Alias. *Exclusive interview for DARKSIDE.RU 09.10.2018 «Wardruna: The Gods Help Those Who Help Themselves»* URL: <https://www.darkside.ru/interviews/682/?ysclid=153iuyk8gb828911424> (date of visit: 08.07. 2023).

[13] Musescore // URL: <https://musescore.com/user/35371156/scores/6724402> (date of visit: 08.07. 2023).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ДЫРДИН Петр Викторович,
преподаватель,
Южный федеральный университет,
e-mail: dyrdin@sfnedu.ru

МОРКУНЦОВ Денис Викторович,
старший преподаватель,
Южный федеральный университет,
e-mail: morkuntsov@sfnedu.ru

ЗАГАЕВСКИЙ Александр Викторович,
старший преподаватель,
Южный федеральный университет,
e-mail: zagaevskii@sfnedu.ru

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике формирования коммуникативной компетенции студентов высших учебных заведений, а именно вопросу о критериях рассматриваемого понятия. В качестве критериев коммуникативной компетентности авторы предлагают рассматривать кооперативность как оппозицию конфликтности, вежливость, а также жанрово-ролевую и этнокультурную осведомленность. При этом формирование коммуникативной компетентности студентов должно сопровождаться мероприятиями, направленными на духовно-нравственное развитие личности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, студенты, кооперативность, вежливость, жанрово-ролевая осведомленность, этнокультурное сознание.

DYRDIN Petr Viktorovich,
Lecturer,
Southern Federal University

MORKUNTSOV Denis Viktorovich,
Senior Lecturer,
Southern Federal University

ZAGAEVSKY Alexander Viktorovich,
Senior Lecturer,
Southern Federal University

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR COMMUNICATION COMPETENCE OF STUDENTS

Annotation. This article is devoted to the problem of the formation of communicative competence of students of higher educational institutions, namely, the question of the criteria of the concept under consideration. As criteria for communicative competence, the authors propose to consider cooperativeness as an opposition to conflict, politeness, as well as genre-role and ethnocultural awareness. At the same time, the formation of communicative competence of students should be accompanied by activities aimed at the spiritual and moral development of the individual.

Key words: communicative competence, students, cooperativeness, politeness, genre-role awareness,

На сегодняшний день проблема формирования коммуникативной компетентности личности имеет особую актуальность, что обуславливает ее мультидисциплинарный характер. К данной проблематике обращаются представители целого ряда наук – философии, социологии, педагогики, психологии, лингвистики, медицины и т.д. На наш взгляд, это связано со следующими причинами. Во-первых, студенческий возраст характеризуется динамическими изменениями всех составляющих личности: когнитивной, мотивационно-регулятивной, эмоциональной, коммуникативной. При этом каждая из перечисленных сторон личности (как, впрочем, и все они в совокупности) трансформируются под влиянием осваиваемой профессии, и под влиянием этих трансформаций складываются профессиональное мышление и профессиональная картина мира будущего специалиста. Во-вторых, смена парадигмы высшего образования (в частности, переход на многоуровневую структуру), новые образовательные стандарты, внедрение и повсеместное распространение цифровых технологий требуют от студентов высокого уровня развития не только узкоспециализированных, но и так называемых межпредметных, социально-ориентированных компетенций, где межличностное взаимодействие играет ведущую роль. При всем при этом реальная коммуникативная компетентность студентов зачастую характеризуется недостаточным развитием, что проявляется в ограниченности словарного запаса (в связи с чем затруднения могут возникать как в устной, так и в письменной коммуникации), низком уровне кооперативности (что часто приводит к конфликтам и другим коммуникативным неудачам), стремлении к проявлению индивидуализма в ущерб интересам коллектива (социальной группы). Таким образом, представители каждой из перечисленных выше дисциплин стараются внести свой вклад в понимание структуры коммуникативной компетентности студентов, а также в разработку методологических подходов и практических приемов их совершенствования.

Проблематика коммуникативной компетентности затрагивалась в трудах различных исследователей, в частности, И.А. Зимней, В.Г. Костомарова, В.В. Кочеткова, Н.М. Лебедевой, Л.В. Московкина, В.М. Садохина, К.Ф. Седова, М.В. Стуриковой, А.Н. Щукина, Н. Хомского и др. Проведенный теоретический обзор литературы

дает основание говорить об отсутствии единого научно-профессионального взгляда на определение понятия «коммуникативная компетентность», вследствие чего различные авторы по-разному интерпретируют данное терминологическое словосочетание. Многие исследователи (Н.Д. Гальскова, Л.В. Московкин и пр.) трактуют коммуникативную компетентность достаточно широко, а именно – как сложную систему, объединяющую в себе ряд частных компетенций: лингвистические, социологические, этнокультурные и т.д. По замечанию Е.В. Чанковой, коммуникативная компетентность связана с социальной коммуникацией как деятельностью, в условиях которой осуществляется обмен информации между людьми [1]. При этом вектор развития коммуникативной компетентности задан параметрами социализации (а также другими аспектами развития цивилизации), обуславливающими переход из естественного природного состояния индивидов в коллективное коммуникативное пространство.

Однако необходимость рассмотрения критериев коммуникативной компетентности студентов заставляет искать более локальные подходы к интерпретации данного понятия. Так, по мнению К.Ю. Сухановой, коммуникативная компетенция заключается в способности личности демонстрировать собственную точку зрения на те или иные события и факты окружающей действительности, умении с уважением относиться к мнениям других людей, избегании конфликтов, разногласий, навыков публичного выступления, а также преодолении прочих коммуникативных барьеров. Схожее определение можно найти у И.О. Муравьева, коммуникативная компетентность включает гибкость субъекта, обеспечиваемая реализацией стратегий и тактик высокого уровня, что в конечном итоге позволяет достичь конструктивного межличностного общения [2].

М.Н. Вятютнев выделяет инвариантную и вариативную часть коммуникативной компетентности. Инвариантную часть исследователь называет «общим коммуникативным ядром», основанным на национальной и межнациональной концептосфере, стереотипах, поведенческих паттернов и т.д. В свою очередь, вариативная часть связана с коммуникативными особенностями и потребностями отдельных личностей. Кроме того, по мнению исследователя, вариативная часть подразумевает аспекты, связанные с одной стороны – с воз-

растными особенностями личности, а с другой – с профессиональной коммуникацией, что дает нам основание опираться на этот компонент при разработке методологии формирования коммуникативной компетентности студентов [3].

В контексте проблематики критериев коммуникативной компетентности студентов интересным могло бы стать краткое рассмотрение теоретических взглядов К.С. Седова, известного автора целого ряда работ по психолингвоперсоналогии. В частности, исследователем отмечен ряд факторов, влияющих на индивидуальную траекторию развития коммуникативной компетенции личности. В настоящем исследовании охарактеризуем те из них, которые вносят наибольший вклад в психолого-педагогическую характеристику личности [4].

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетентности. Здесь имеются в виду свойства, передающиеся человеку асимметрии мозга и особенности телосложения. Так, не вызывает сомнений, что темперамент существенно влияет на коммуникативное поведение личности, в особенности, на то, как данная личность проявляет себя в конфликтных ситуациях. В свою очередь, влияние профиля функциональной асимметрии мозга заключается в создаваемых им предпосылках успешности или неуспешности выполнения человеком различных видов деятельности, в том числе, и коммуникативной. Например, личностям с левополушарным типом мышления свойственны высокий уровень вербализации окружающей действительности в то время, как личности с правополушарным типом в большей степени тяготеют к эмоционально-образному мышлению.

И, наконец, в зависимости от типа телосложения у разных людей могут проявляться различные паттерны коммуникативного поведения. Принято считать, что атлетики часто бывают склонны к речевой агрессии, а циклотимики, напротив, обладают развитой эмпатией и т.д.

2. Уровень формирования коммуникативных черт характера. К числу параметров, влияющих на коммуникативные компетенции, исследователь относит следующие оппозиции: доминантность / недоминантность; мобильность / ригидность; экстраверсия / интроверсия; конфликтность / неконфликтность; центрация / кооперативность. Мы не будем здесь описывать все указанные параметры, остановимся лишь на рассмотрении выделяемых К.С. Седовым типов языковых личностей, в которых прослеживаются критерии коммуникативной компетентности. Исследователь выделяет

конфликтный, центрированный и кооперативный типы языковых личностей, причем внутри каждого из этих типов обозначено несколько подтипов.

Так, конфликтный тип, априорно характеризующийся установкой против партнера по общению, подразделяется на конфликтно-агрессорский (демонстрация прямой агрессии и недоброжелательности), и конфликтно-манипуляторский (проявления скрытой /косвенной/ агрессии в сочетании со стремлением показать собственное превосходство). В свою очередь, личности центрированного типа характеризуются игнорированием партнера по коммуникации с параллельным повышенным вниманием к собственной персоне. В качестве подтипов в данном случае выделены активно-центрированный (во многом напоминающий конфликтно-манипуляторский) и пассивно-центрированный (неуверенное коммуникативное поведение с тенденцией к замкнутости и фиксации на внутренних переживаниях). И, наконец, кооперативный тип считается наиболее благополучным в социально-психологическом плане типом личности. Этот тип характеризуется выраженной установкой на партнера по коммуникации и проявляет себя либо как кооперативно-конформный (согласие с позицией партнера как средство избегания коммуникативных неудач), либо как кооперативно-актуализаторский (способность искренне посмотреть на ситуацию с позиции собеседника). С нашей точки зрения, формирование кооперативного типа личности является ключевым направлением в совершенствовании кооперативной компетентности студентов, поскольку актуализируемые при данном типе психологические и речевые стратегии крайне важны в любой профессиональной деятельности и положительно влияют на конкурентоспособность специалиста на рынке труда.

3. Уровень жанрово-ролевой компетенции, предусматривающий коммуникативное соответствие личности ее социальной роли (или же социальным ролям в ситуации, когда их несколько). Как известно, каждая социальная роль характеризуется заданным набором прав и обязанностей, которые в своей совокупности формируют коммуникативные ожидания. В то же время коммуникативное поведение большинства представителей современной молодежи характеризуется смещением статусно-обусловленных этических барьеров речевого поведения, что зачастую становится источником всевозможных конфликтов, как внутри образовательного учреждения, так и за его пределами. Однако повышение уровня

жанрово-ролевой компетенции важно не только в рамках профилактики конфликтных ситуаций, но и для повышения жанровой осведомленности студентов в повседневной деятельности, в частности, для уверенного овладения такими жанрами студенческого дискурса, как «диалог с преподавателем», «семинар / вебинар», «сессия» и т.д. При этом следует уделять особое внимание повышению осведомленности студентов о статусных и этических барьерах в сравнительно новых цифровых жанрах, в которых зачастую сохраняются повышенные риски нарушения социально-психологических границ (например, в чатах различных мессенджеров и пр.).

Помимо всего прочего, следует отметить, что развитие коммуникативной компетентности студентов должно включать расширение представлений о вежливости о главном условии конструктивного межличностного взаимодействия. По определению Н.В. Формановской, вежливость представляет собой сложную многоаспектную категорию, состоящую из общих для всех носителей языка этических правил речевого (и неречевого) поведения [5]. При этом проявление вежливости подразумевает подчеркивание той социальной роли партнера по общению, на которую он претендует. В соответствии с этим, отведение партнеру более низкой по сравнению с его ожиданиями социальной роли автоматически становится проявлением невежливости. В целом вежливость представляет собой проявление уважения к партнеру, выражаемое при помощи вербальных и невербальных средств в условиях коммуникации. Тем не менее вежливость нужно понимать не только как маркер когнитивно-эмоциональной коммуникативной компетентности, но и один из ключевых показателей нравственного развития и духовной зрелости личности. Поэтому повышение уровня вежливости студентов только лишь в рамках занятий наподобие уроков речевого этикета было бы не совсем методологически корректным. Подобную практику необходимо сочетать с мероприятиями, актуализирующими чувства сострадания, милосердия к ближнему, навыки взаимовыручки, сотрудничества, и другие аспекты нравственных составляющих общения.

И, наконец, кратко затронем тему этнокультурной коммуникативной компетентности, что при многонациональном составе студенческой аудитории также имеет высокую актуальность. Здесь следует учитывать, что в коммуникациях носителей индивидуалистических культур (США, Англия и др.) преобладают рационализм, опосредованность эмоций, точность формулировок, отчетливая социальная дистанция. В свою очередь, носителям коллективистских культур свойственно спонтанное проявление эмоций, выраженная внутригрупповая сплоченность, приверженность групповым установкам и ценностям. Развитие у студентов этнокультурной коммуникативной компетентности в условиях вуза в идеале должно быть направлено на формирование представлений о психоречевом складе личности представителя другой национальной культуры. Обобщенными критериями коммуникативной компетентности студентов в данном направлении будут служить уважительное отношение ко всем национальным культурам, ситуативная гибкость, выражающаяся в способности переключаться с одной культуры на другую, широта мировоззрения [6]. Соответствие данным критериям свидетельствует о развитом коммуникативном потенциале студентов и положительно влияет на взаимодействие с социумом.

Таким образом, коммуникативная компетентность является сложной концептуальной категорией, охватывающей широкий спектр вербальных и невербальных паттернов, посредством которых личность позиционирует себя в социальном пространстве. Обозначенные выше современные реалии служат определенным препятствием для спонтанного развития коммуникативной компетентности студентов в заданном направлении, что обуславливает необходимость целенаправленного педагогического воздействия в условиях вуза. Критериями коммуникативной компетентности, с нашей точки зрения, являются кооперативность, жанрово-ролевая осведомленность, вежливость, этнокультурная толерантность. Формирование коммуникативной компетентности студентов способствует их успешной самореализации в профессиональной и личной сферах жизни.

Список литературы:

- [1] Чанкова Е.В. *Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности. Автореф. дисс. ... доктора социологических наук. – 2018. – 41 с.*
- [2] Ахмедова М.А., Витюгов М.А. *Особенности формирования коммуникативной компетентности студентов в образовательной среде вуза. // Проблемы современного педагогического образования.*

2024. №84-1. С. 26-29.

[3] Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования. Монография. – 2020. – 164 с.

[4] Седов К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсоналогии // Вопросы психолингвистики. - 2008. - № 7. - С.12 - 24.

[5] Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002. – 214 с.

[6] Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки. Автореф. дисс. ... доктора педагогических наук. – 2003. – 29 с.

References:

[1] Chankova E.V. Communicative competence of an individual in the context of a changing social reality. Abstract of a doctoral dissertation in sociology. – 2018. – 41 p.

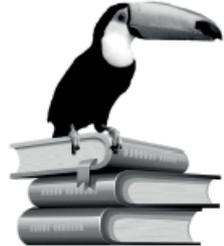
[2] Akhmedova M.A., Vityugov M.A. Features of the formation of students' communicative competence in the educational environment of a university. // Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 84-1. Pp. 26-29.

[3] Sturikova M.V. Communicative competence and its development in university students in the context of continuity of education. Monograph. – 2020. – 164 p.

[4] Sedov K.F. Theoretical model of psycholinguopersonology // Questions of psycholinguistics. - 2008. - No. 7. - Pp. 12-24.

[5] Formanovskaya N.I. Speech communication: a communicative-pragmatic approach. – Moscow, 2002. – 214 p.

[6] Pluzhnik, I.L. Formation of intercultural communicative competence of students majoring in the humanities during professional training. Abstract of a doctoral dissertation in pedagogy. – 2003. – 29 p.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/cl-37382-2026-1-82-86

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.

РЫБУШКИН Николай Николаевич,
доцент кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
e-mail: romagrishagin@yandex.ru

ГРИШАГИН Роман Олегович,
магистрант кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
e-mail: Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В РОССИИ: ОТ ЭПОХИ РОМАНОВЫХ ДО 2018 ГОДА

Аннотация. В статье рассматривается историческое развитие института уголовного наказания в России начиная с периода правления династии Романовых и до 2018 года. Анализируются основные этапы трансформации уголовной политики государства, изменение целей и содержания наказания, а также эволюция принципов его назначения. Особое внимание уделяется соотношению карательных и превентивных начал в разные исторические периоды. Исследуется влияние социально-политических факторов на формирование системы наказаний в Российской империи, советский период и современный этап развития уголовного законодательства. Раскрываются особенности законодательной регламентации наказаний в дореволюционном праве, включая процессы систематизации и кодификации. Отдельно анализируется советская концепция наказания как средства защиты общественного строя. Рассматриваются тенденции гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации в конце XX—начале XXI века. Делается вывод о постепенном усилении принципа индивидуализации ответственности и расширении перечня наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Обосновывается положение о том, что к 2018 году российская модель наказания приобрела комплексный характер, сочетающий элементы возмездия, предупреждения и исправления. Подчеркивается значимость исторического анализа для понимания современных направлений развития уголовного права.

Ключевые слова: наказание, история уголовного права, Российская империя, советское уголовное законодательство, гуманизация, индивидуализация.

RYBUSHKIN Nikolay Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

GRISHAGIN Roman Olegovich,
Master's Student, Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN RUSSIA: FROM THE ROMANOV ERA TO 2018

Annotation. The article examines the historical development of the institution of criminal punishment in Russia from the Romanov dynasty period to 2018. The study analyzes the main stages of transformation of the state's criminal policy, changes in the goals and content of punishment, as well as the evolution of

sentencing principles. Particular attention is paid to the correlation between repressive and preventive elements in different historical periods. The influence of socio-political factors on the formation of the system of punishments in the Russian Empire, the Soviet period, and the modern stage of criminal legislation development is explored. The author considers the specifics of legislative regulation of punishments in pre-revolutionary law, including processes of systematization and codification. Special emphasis is placed on the Soviet concept of punishment as a means of protecting the social order. The paper also analyzes the trends of humanization of criminal legislation in the Russian Federation at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. It is concluded that by 2018 the Russian model of punishment had acquired a complex character combining elements of retribution, prevention, and correction. The importance of historical analysis for understanding contemporary directions of criminal law development is emphasized.

Key words: *punishment, history of criminal law, Russian Empire, Soviet criminal law, humanization.*

Институт уголовного наказания является фундаментальной категорией уголовного права, поскольку именно через него реализуется реакция государства на совершенное преступление. Историческое развитие данного института в России демонстрирует сложный и противоречивый процесс трансформации целей, содержания и принципов уголовно-правового воздействия. Эволюция наказания отражает изменение представлений о справедливости, общественной опасности деяния, роли личности преступника и соотношении карательных и превентивных начал в уголовной политике.

Формирование российской системы наказаний в эпоху ранних Романовых происходило в условиях укрепления централизованной власти и сословной структуры общества. Соборное уложение 1649 года стало важнейшим источником уголовно-правового регулирования данного периода [1]. Система наказаний, закрепленная в этом акте, отличалась крайней суровостью. Смертная казнь применялась широко и в различных формах; телесные наказания, клеймение, отсечение частей тела носили публичный характер и имели целью устрашение населения.

Исследователи отмечают, что наказание в XVII веке выполняло преимущественно репрессивную и демонстративную функцию [2]. Оно служило инструментом поддержания сословного порядка и религиозно-нравственных устоев. Индивидуализация наказания практически отсутствовала: санкции были жестко определены и зависели от сословной принадлежности лица. Таким образом, уголовная политика данного периода основывалась на принципе не столько справедливости, сколько устрашения и подавления.

В XVIII веке, особенно в период правления Петра I, происходит усиление дисциплинарного начала в уголовном праве. Военские артикулы 1715 года закрепили строгую систему наказаний,

ориентированную на поддержание военной дисциплины и государственной стабильности [3]. Законодательство носило казуистический характер, предусматривало широкий перечень преступлений против государственной службы и усиливало ответственность за посягательства на интересы государства.

Однако уже во второй половине XVIII века под влиянием идей европейского Просвещения начинается постепенное изменение взглядов на природу наказания. В трудах отечественных правоведов появляются рассуждения о соразмерности санкций и необходимости разумного ограничения уголовной репрессии [4]. Формируется представление о том, что чрезмерная жестокость наказаний не всегда способствует снижению преступности.

XIX век стал периодом систематизации и кодификации уголовного законодательства. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года явилось важнейшим этапом развития института наказания [5]. В нем была выстроена иерархия санкций, четко разграничены уголовные и исправительные наказания, установлены пределы их назначения. Несмотря на сохранение каторги и смертной казни, законодатель предпринял попытку упорядочить систему мер уголовного воздействия.

Особое значение имела дифференциация наказаний в зависимости от тяжести преступления. Впервые более последовательно реализуется идея законности и формальной определенности санкций. Уголовное право становится менее произвольным, что свидетельствует о постепенном переходе к правовому государству.

Уголовное уложение 1903 года стало значительным шагом вперед в развитии отечественной уголовно-правовой мысли [6]. В нем усиливается значение субъективных признаков преступления, расширяется учет личности виновного, вводятся более гибкие механизмы назначения наказания.

Многие исследователи отмечают, что данный акт во многом превосходит современные подходы к индивидуализации ответственности [7].

Таким образом, дореволюционный этап развития института наказания характеризуется постепенным переходом от преимущественно карательной модели к более системной и дифференцированной. Однако окончательно отказаться от репрессивных мер государство в тот период не могло, что объясняется социально-политическими условиями и уровнем развития правовой культуры.

Коренной перелом в понимании целей наказания произошел после революционных событий 1917 года. Советская власть провозгласила новую концепцию уголовного права, основанную на классовом подходе к преступлению. Наказание стало рассматриваться как мера социальной защиты [8]. В первых советских кодексах акцент делался на защите интересов рабочего класса и социалистического строя.

В 1920–1930-е годы уголовная политика характеризовалась усилением репрессивных мер. Однако даже в этот период в теории развивались идеи исправительного воздействия и перевоспитания осужденных [9]. Наказание приобретает ярко выраженную идеологическую окраску.

После Великой Отечественной войны начинается постепенная систематизация законодательства. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепил более стройную систему наказаний, расширил перечень мер, не связанных с лишением свободы [10]. Законодатель стремился усилить воспитательную функцию уголовной ответственности.

Развитие советского уголовного права сопровождалось активной научной дискуссией о целях наказания. Одни авторы подчеркивали его карательный характер, другие акцентировали внимание на исправлении и предупреждении преступлений [11]. В результате формируется комплексное понимание наказания как меры государственного принуждения, сочетающей возмездие и воспитательное воздействие.

Продолжая анализ эволюции института наказания, следует отметить, что переход к современному этапу развития уголовного законодательства связан с глубокими социально-политическими изменениями конца XX века. Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года стало не просто обновлением нормативного акта, а отражением принципиально новой концепции уголовной ответственности.

В отличие от советской модели, в новом кодексе на уровне общих начал были закреплены принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма [12]. Принцип справедливости получил особое значение в контексте назначения наказания, поскольку законодатель прямо указал на необходимость соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности преступления, а также личности виновного.

Система наказаний, предусмотренная УК РФ, отличается большей гибкостью по сравнению с предыдущими историческими этапами. Законодатель существенно расширил перечень альтернатив лишению свободы. В него вошли штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы и иные меры. Данная тенденция свидетельствует о стремлении государства минимизировать изоляцию от общества как универсальное средство уголовно-правового воздействия.

Особое значение приобретает институт условного осуждения, а также возможность назначения наказания ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств. Эти положения направлены на обеспечение индивидуализации ответственности и реализацию принципа гуманизма. Суд получает более широкие дискреционные полномочия, что позволяет учитывать специфику каждого конкретного дела.

В период с начала 2000-х годов по 2018 год прослеживается устойчивая тенденция к гуманизации уголовной политики. Законодатель неоднократно вносил изменения, направленные на декриминализацию отдельных составов преступлений и смягчение санкций. Существенное внимание уделялось экономическим преступлениям, а также преступлениям небольшой и средней тяжести.

Одновременно происходило расширение применения штрафов и иных мер имущественного характера. Это отражает переход к более рациональной модели уголовного воздействия, в которой наказание должно быть не только справедливым, но и эффективным с точки зрения предупреждения новых преступлений.

Следует подчеркнуть, что современное понимание наказания включает несколько взаимосвязанных целей: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступле-

ний. Такая триединая конструкция демонстрирует отход от односторонне карательной концепции.

В научной литературе ведётся дискуссия относительно соотношения данных целей. Одни исследователи считают приоритетной превентивную функцию наказания, другие акцентируют внимание на необходимости восстановления нарушенного баланса интересов общества и личности. Однако большинство авторов сходятся во мнении, что современная модель наказания должна обеспечивать баланс между публичными интересами и правами человека.

Особое значение в современной системе назначения наказания имеет принцип индивидуализации. Суд обязан учитывать не только формальные признаки состава преступления, но и данные о личности виновного, его поведение после совершения преступления, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств. Такой подход позволяет избежать механического применения санкций и способствует достижению целей наказания.

Вместе с тем практика показывает, что лишение свободы по-прежнему остаётся одним из наиболее распространённых видов наказания. Это обусловлено как тяжестью отдельных категорий преступлений, так и определёнными стереотипами правоприменения. В научной среде неоднократно поднимался вопрос о необходимости дальнейшего расширения альтернативных мер, способствующих ресоциализации осуждённых без изоляции от общества.

Отдельного внимания заслуживает развитие института ограничения свободы, который стал

активно применяться в 2010-х годах. Данная мера сочетает элементы контроля и ограничения определённых прав осуждённого, но при этом не связана с помещением в места лишения свободы. Это соответствует общей тенденции гуманизации и поиску более гибких форм уголовно-правового воздействия.

Таким образом, современный этап развития института наказания характеризуется сочетанием стабильности базовых принципов и динамичности законодательных изменений. Государство стремится обеспечить справедливость наказания, его соразмерность и эффективность, одновременно учитывая международные стандарты защиты прав человека.

Важно отметить, что историческая эволюция наказания не носит линейного характера. На разных этапах развития общества происходили периоды усиления репрессивных мер и их последующей корректировки. Однако общая тенденция к 2018 году свидетельствует о постепенном укреплении гуманистических начал уголовного права.

Современная модель наказания в России представляет собой результат многовекового развития. Она вобрала в себя элементы дореволюционной системности, советской идеи социальной направленности и постсоветского акцента на правах личности.

Таким образом, анализ развития института наказания позволяет сделать вывод о том, что его трансформация тесно связана с изменением представлений о роли государства и человека в системе общественных отношений.

Список литературы:

- [1] Исаев И.А. *История государства и права России*. — М.: Норма, 2021. С. 389.
- [2] Рарог А.И. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть*. — М.: Проспект, 2023. С. 505.
- [3] Наумов А.В. *Российское уголовное право. Общая часть*. — М.: Норма, 2022. С. 655.
- [4] Лопашенко Н.А. *Назначение наказания в российском уголовном праве*. — М.: Юрлитинформ, 2022. С. 111.
- [5] Крылова Н.Е. *Уголовное право дореволюционной России: историко-правовой анализ*. — М.: Юрлитинформ, 2020. С. 409.
- [6] *Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского*. — М.: Статут, 2021. С. 67.
- [7] Долгова А.И. *Криминология*. — М.: Норма, 2021. С. 350.
- [8] Таганцев Н.С. *Русское уголовное право*. — СПб.: Юридический центр, 2019. — С. 222.
- [9] *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.* — М.: Юридическая литература, 2022. С. 531.
- [10] Побегайло Э.Ф. *Уголовная политика России: современное состояние и тенденции развития*. — М.: Норма, 2021. С. 78.
- [11] Коробеев А.И. *Общие начала назначения наказания в российском уголовном праве*. — М.: Юрлитинформ, 2022. С.112-113.

[12] Малиновский А.А. Принципы уголовного права Российской Федерации. — М.: Статут, 2023. С 290.

References:

- [1] Isaev I.A. *History of the State and Law of Russia*. Moscow: Norma, 2021, p. 389.
- [2] Rarog A.I. *Criminal Law of the Russian Federation. General Part*. Moscow: Prospect, 2023, p. 505.
- [3] Naumov A.V. *Russian Criminal Law. General Part*. Moscow: Norma, 2022, p. 655.
- [4] Lopashenko N.A. *Sentencing in Russian Criminal Law*. Moscow: Yurlitinform, 2022, p. 111.
- [5] Krylova N.E. *Criminal Law of Pre-Revolutionary Russia: Historical and Legal Analysis*. Moscow: Yurlitinform, 2020, p. 409.
- [6] *Course of Soviet Criminal Law / edited by A.A. Piontkovsky*. — М.: Statut, 2021. Page 67.
- [7] Dolgova A.I. *Criminology*. — М.: Norma, 2021. Page 350.
- [8] Tagantsev N.S. *Russian Criminal Law*. — St. Petersburg: Legal Center, 2019. — Page 222.
- [9] *Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes*. — М.: Legal Literature, 2022. Page 531.
- [10] Pobegaylo E.F. *Criminal Policy of Russia: Current State and Development Trends*. — М.: Norma, 2021. Page 78.
- [11] Korobeev A.I. *General Principles of Sentencing in Russian Criminal Law*. — М.: Yurlitinform, 2022. Pages 112–113.
- [12] Malinovsky A.A. *Principles of Criminal Law of the Russian Federation*. Moscow: Statut, 2023. P. 290.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.